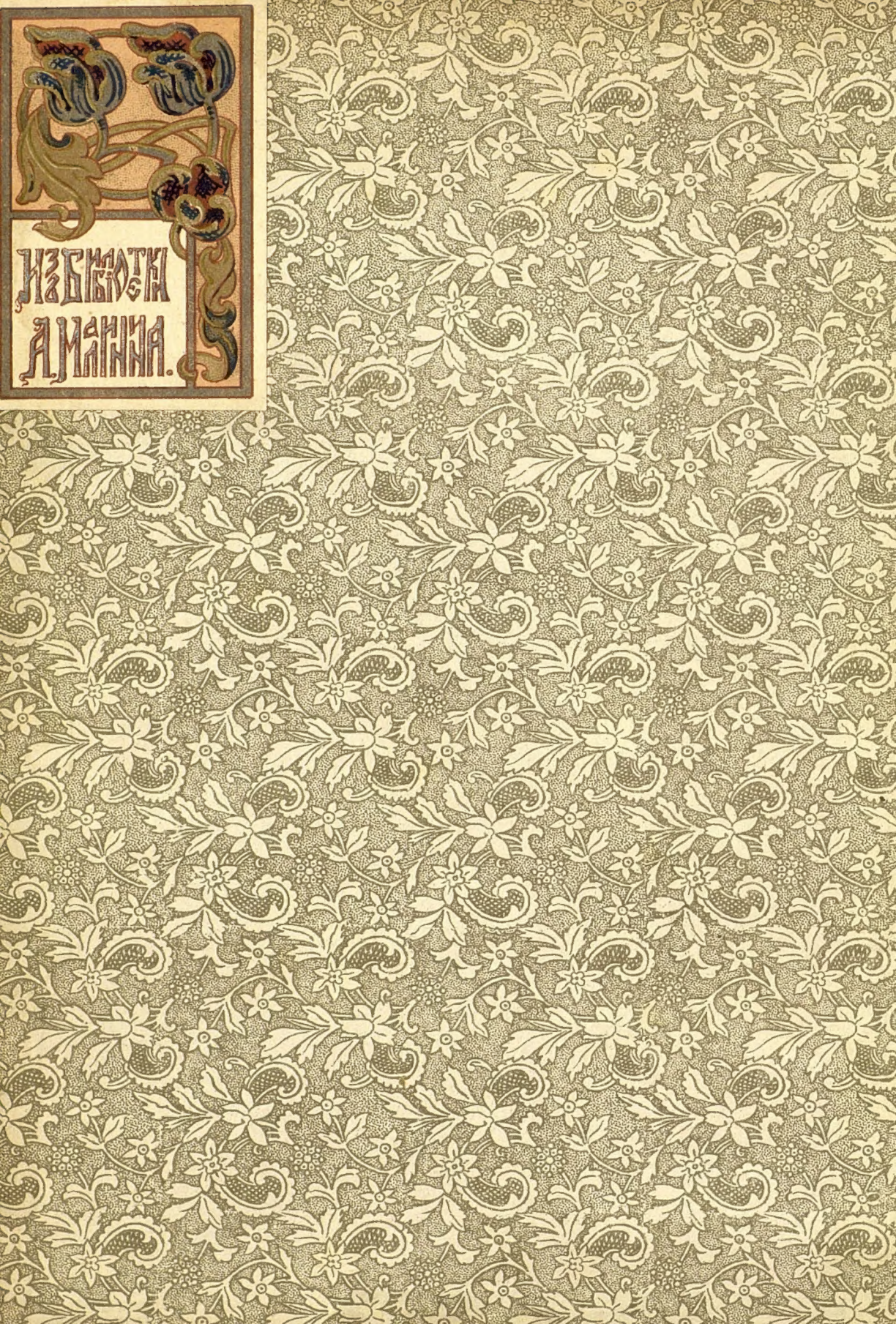

216 ^x 245

3r

§ 16 215

0

ПРОИСХОЖДЕНИИ

ВАРЯГЪ - РУСИ.

СОЧИНЕНИЕ

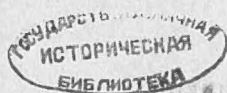
А. Дювернуа
рус. язык.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1862.

2 мб

583244

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1859—61 г.

МОСКВА

1861

О ПРОИСХОЖДЕНИИ „ВАРЯГЪ-РУСИ.“

ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

1. ИСТОЧНИКИ ЗАПАДНЫЕ.

Г. Крузе въ своемъ «Chronicon Nordmannorum» (pp. 39 — 41) открываетъ извѣстiя о племени «Rus» извѣстiемъ Chron. Moissiacensis подъ 804 годомъ, которое у Перца I, p. 307, читается слѣдующимъ образомъ:.... «et deinde misit imperator scaras suas in Wimodia et in Hostingabi et in Rosogavi, ut illam gentem foras patriam transduceret; nec non et illos Saxones, qui ultra Albiam erant, transduxit foras, et divisit eos in regnum suum ubi voluit.»

Саксонская мѣстность, на которой появляется здѣсь имя «Rosogavi», даетъ весьма опредѣленный смыслъ этому мѣсту. Мы рѣшительно не находимъ основанiя смотрѣть на приведенныя три мѣстности, какъ на не Саксонскiя, и удивляться этому призрачному противоположенiю, какъ то дѣлаетъ г. Крузе (p. 39). Обитатели трехъ этѣхъ мѣстностей весьма ясно противоплагаются «Saxonibus Transalbianis», которые весьма ясно отличаются отъ всѣхъ остальныхъ Саксонцевъ и называются средне-вѣковыми хронистами Nordalbingi, Nordliudi (Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, S. 395). И потому, думаемъ мы, напрасно старается г. Крузе порѣзче отгнѣить этѣ три мѣстности и отодвинуть ихъ на сѣверъ въ пользу слога Ros въ собственномъ имени Rosogavi. Мѣсто ясно говоритъ, что Карлъ Великий послалъ «отрядъ воиновъ»¹ въ Саксонскiя три названныя мѣстности для выселенiя ихъ жителей изъ родины (foras patriam); при этомъ снi-

¹ Scaras. См. Ducange, Gloss. mediae et infimae latinitatis, t. VI, p. 96., гдѣ значенiе этого слова совершенно уясняется слѣдующимъ мѣстомъ Гинкмарова окружнаго посланiя: «bellatorum acies, quas vulgari sermone Scaras vocamus.»

сатель хроники прибавляетъ: «*neq non et illos Saxones, qui ultra Albiam erant,*» etc., разумѣя при этомъ, что и выше названныя мѣстности населены Саксонцами, но чувствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужду въ болѣе тѣсномъ опредѣленіи перехода войскъ, потому что по ту сторону Эльбы живущіе Саксонцы отличались замѣтною для средневѣковыхъ хронистовъ особенностью, смѣшанностью съ Фризами (Zeuss, I. c.). А положеніе Вимодіи извѣстно: согласно съ новѣйшими атласами, его опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ издатель Chron. Moissiacensis у Перца I, p. 307, adnot. 48: «*pagi Wimodia, Hosingabi, Rosogavi in regni Hannoverani, ducatu Bremensi, ad Wisaram et Wummam, Hostam, seu Ostam, et circa Rosofeldum sive Harsefeldum siti erant.*» Слѣдовательно, мы имѣемъ въ этомъ извѣстіи весьма опредѣленное указаніе на двѣ различныя Саксонскія мѣстности, которыя, какъ такія, отдѣльно другъ отъ друга названы авторомъ Chron. Moiss. ¹ Г. Крузе продолжаетъ удивляться (p.39): «*conferentibus autem ea, quae dicit cum caeteris auctoribus, facile elucebit, non credendum esse, omnes incolas Wimodiae et Hosingabi abductos esse.*» Но, прежде всего, слова «*omnes*» въ этомъ мѣстѣ хроники г. Крузе не найдетъ, а, на оборотъ, въ другихъ хроникахъ есть, дѣйствительно, такого рода извѣстія, почитаемыя изслѣдователями преувеличенными. На пр., у Эйнгарда читаемъ подъ 804 г. (Pertz, I, p. 191): «*aestate in Saxoniam ducto exercitu, omnes, qui trans Albiam et in Wihmuodi habitabant, Saxones.... transtulit in Franciam*» (Cf. Zeuss, p. 397). На этихъ уже основаніяхъ, не считая себя въ правѣ соглашаться съ г. Крузе, я нахожу рѣшительно не методичнымъ его отношеніе къ филологической сторонѣ вопроса. Увлечшись созвучіемъ, сочинитель прошелъ ее молчаніемъ. Остерегаясь призрачности заключеній, разберемъ филологическое содержаніе хроники, т. е., остановимся на состояніи фонетики въ Нѣмецкихъ собственныхъ именахъ, по существующимъ и извѣстнымъ рукописямъ хроники, и на этомъ основаніи установимъ значеніе «*Rosogavi*».

¹ Эта опредѣленность согласна и съ общимъ характеромъ всѣхъ извѣстій Chron. Moiss. (Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, S. 118—119). Какъ видно, составители ея хорошо знали Полабскую сторону. Не говоря о Нѣмецкихъ, и Славянскія извѣстія этой хроники весьма драгоценны. См. ихъ оцѣнку у Шафарика Slov. Star., str. 843 — 847, и Палацкаго въ Čas. Čes. Mus. 1835, sv. 3, 1 и 2 примѣч. къ стр. 320, 4 къ стр. 321; стр. 322—323, прим. 4.

Правописъсобственныхъ именъ хроники, обличающая современную фонетику языка, возводитъ въ глубокую древность древне-вѣрхне-Нѣмецкаго языка, удерживавшихъ тогда еще нѣкоторые остатки Готской старины, съ теченіемъ времени имъ утраченные. Находимъ уже въ ней перегласовку *a* въ *e* по вліянію *i* слѣдующаго слога: Heribertus (Pertz. I, p. 289, 29), Heristelli (p. 303, 16); находимъ ослабленіе *a* въ *e*, и не условливаемое этимъ вліяніемъ Reganesburg (p. 299, 26, 42; p. 300, 4, 14), Ragnarius (290, 12, varr. II. reganarius, raganarius). Но на ряду съ этими явленіями встрѣчаемъ не только heristalli, но и haristallo (p. 303, 18), Raganesburg (p. 298, 27). Встрѣчаемъ не только неперегласованныя формы Aribertus (p. 285, 34), но и такія, которыя указываютъ путь, которымъ языкъ дошелъ отъ формъ неперегласованныхъ къ перегласованнымъ—Airibertus (p. 286, 33—34). Этѣ формы представляютъ древнѣйшій видъ имени Heribertus, ибо начинающая *h* часто опускается (на пр., Heresburg, p. 304, 4, var. I. Egesburg 1). Дифтонгъ *ou*, родившійся на древне-в.-Нѣм. почвѣ (вм. *ai*), уже встрѣчается, какъ то Ruotrudis (p. 297, 4); но *ei*, если не обманываетъ меня мое вниманіе, вовсе не попадается, а, напротивъ того, встрѣчаемъ обиліе случаевъ употребленія чисто Готскаго дифтонга *ai*, чуждаго, по мнѣнію Я. Гримма, нарѣчію древне-в.-Нѣмецкому (D. Gr. I, S. 98—99). Помня увѣщаніе Гримма, изложенное въ сейчасъ приведенномъ мѣстѣ, мы удержимся отъ того, чтобы воспользоваться этою чертою фонетики и, въ силу ея позднѣйшаго значенія, приписать происхожденіе рукописей нашей хроники Баварской мѣстности. Напротивъ, весь фонетическій матеріалъ ихъ отсылаетъ насъ къ глубокой древности древне-в.-Нѣмецкаго нарѣчія, въ которой мѣстныя его развѣтвленія наслѣдитъ еще невозможно. И такъ, вотъ эти почтенные остатки Готской старины: Alpaigde (p. 288, 26), Waifarius (p. 294, 23), Haistulphus (p. 292, 42), Laurishaim (p. 296), Ingolunhaim (p. 298, 19). Кромѣ *ou*, представляются и другіе дифтонги, развившіеся изъ *u*, свойственные древне-в.-Нѣмецкому нарѣчію, какъ то *eu*, *eo* (Grimm, D. Gr. I, S. 102, 106): Leudesium (p. 288, 12), Leodesius (p. 288, 18, 20, 21) и пр., хотя гораздо чаще удерживается Готскій дифтонгъ *iu*. Тѣ же черты древне-в.-Нѣмецкаго нарѣчія встрѣчаемъ и въ согласныхъ, какъ-то обращеніе *th* въ *d*: Duringa (p. 308, 9; i. e., Thuringia. Cf. Zeuss, Die Deutschen u. s. w. S. 354), Radhbode

(S. 290, 22), сличенное съ разпорѣчiemъ rathbode и пр. Замѣтимъ еще черту древности словообразовательную: р. 300, 39, 39 наряду употреблены 2 формы: Francenefurt и Francofurt, изъ которыхъ первая весьма любопытна формою сложенія furt съ род. пад. мн. ч.

Представивши точную характеристику фонетики памятника, обратимся къ Rosogavi. Беремъ его, въ интересахъ безпристрастия и объективности, какъ субъектъ чисто и исключительно филологическiй, и судимъ о немъ въ предѣлахъ данныхъ условiй, представляемыхъ филологическимъ состоянiемъ рукописей хроники. Онѣ даютъ намъ два собственныхъ имени, представляющихъ сходство въ построении съ именемъ Rosogavi: Riusteri (р. 298, 17) и Rotgault (р. 296, 6). Первое изъ этихъ именъ по древней правописи должно писаться Hriustri, и дѣйствительно такъ пишется и въ отдѣльномъ своемъ употребленiи и въ сложномъ съ предлогами ūr и ūt — Uphriustri, Uthriustri (Cf. Grimm, Gesch. der D. Spr. II, S. 471 [678]). Отбрасыванiе гортаннаго придыханiя началось еще въ IX вѣкѣ, по свидѣтельству Гримма (D. Gr. I, S. 195). Весьма вѣроятно, что правопись Rosogavi, согласно язычному состоянiю рукописей хроники, употреблено здѣсь вмѣсто Hrosogavi. Такое предположенiе совершенно согласно состоянiю рукописей. Наконечное слово gavi понятно—gaue. Roso (вмѣсто Hroso) я произвожу слѣдующимъ образомъ: Гот. hrot (п. στῆρ, δῶμα; ¹ Löbe und Gabelentz, Ulfila. Gloss. S. 67), несправедливо сличаемое составителями Глоссарiя къ Ульфилѣ съ Англо-Саксон. и древне-Фризскимъ hrof, по Гримму въ древне-в.-Нѣмецкомъ нарѣчiи перешло, согласно древне-Нѣмецкой перезвук-вѣ согласныхъ, въ hruoz, ruoz, что принимаетъ и Диффенбахъ (Vergl. Wörterbuch der Goth. Spr. II, S. 592). Совершенно согласно съ архаическимъ состоянiемъ языка рукописей хроники предполагаемъ, что въ Roso — t еще не перешло въ z, согласно обычаю древне-в.-Нѣмецкаго нарѣчiя, также какъ и Гот. gavi не перешло въ немъ въ kouwi древне-в.-Нѣм., а удержалось на той ступени, въ которой мы находимъ у Тацита собственное имя chasuari вм.

¹ Matth, X, 27:... jah thatei in auso gahauseith, merjaith ana hrotam (L—G. S. 17), О. Е. изд. Востокова л. 234: и ꙗже въ оухо слышасте, проповѣдите на кровехъ (καὶ ὃ τὸ οὖς ἀκούετε, κηρύξατε ἐπὶ τῶν δωματίων).

Chattuarii (позже—Cha33; Grimm, D. Gr. I, S. 172), что найдеть себѣ аналогію въ выше приведенномъ Rotgault (р. 296, 6), гдѣ Rot—(Hrot) удерживается на степени Готской старины. Названія же съ значеніемъ дома, кровли, башни, двора весьма перѣдки, о чемъ см. Pott, Ueber die Personennamen, S. 353 — 356. ¹ Изъ всего явствуетъ, что имя Rosogavi, чисто Готское, возникло на почвѣ прастарого Нѣмецкаго поселенія, съ сѣвернымъ ничею общаго не имѣющаго. Притомъ замѣтимъ, что между Англо-Саксами и Скандинавами не только нѣтъ областнаго раздѣленія на gawī, но и нарѣчія Англо-Саксонское и древне-Сѣверное не имѣютъ вовсе этого слова и замѣняютъ его другими (Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, S. 496). ²

Древнѣйшее западное свидѣтельство о Руси, оправдываемое критикой, есть извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей подъ 839 г.

Трудно найти древнее свидѣтельство, смыслъ котораго былъ бы глубже исчерпанъ и обильнѣе снабженъ экзегетическимъ и сравнительнымъ аппаратомъ! Чтеніе этого мѣста со стороны филологической критики никѣмъ не заподозрѣно и не искушено никакими догадками со стороны его многочисленныхъ толкователей; оно стоитъ твердо, неизмѣнно съ Байера, приводившаго его по изданію Дюшеня, до Перца. Необходимо, прежде нежели приняться за объяснительный аппаратъ мѣста, отдать себѣ возможно строгій грамматическій или, точнѣе, синтаксическій отчетъ въ язычномъ построеніи этого мѣста. По преимуществу нуждается въ немъ начало извѣстія Бертинскихъ лѣтописей. Сообщивши составъ посольства Императора Теофила къ Людовику Благочестивому въ Ingolunheim и цѣль его, писатель продолжаетъ: «Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus, vocabula ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat».... Кругъ, особенно обогатившій и осложнившій эксегезу этого мѣста, такъ понимаетъ его синтаксисъ (Forschungen., I, S. 165): «Die Fremden sagen, ihr Volk werde Rhos

¹ Я вовсе не настаиваю на этомъ производствѣ, и предлагаю его лишь для болѣе яркаго освѣщенія древности его, держась весьма строго условій критическихъ.

² Я долго остановился на мнѣніи г. Крузе потому, что оно осталось не безъ вліянія на послѣдующихъ ученыхъ. Такъ г. Погодинъ (II, стр. 138—160) не только принимаетъ его, но и старается вести дальше.

genannt. Von wen es so genannt werde, melden sie nicht. Da aber unmittelbar auf diese Worte folgt: «welche ihr Koenig, Chacan geheissen, an ihn gesendet habe, und die *er* bitte, gütig aufzunehmen,» u. s. w., so scheint es, als ob jener Name ihnen, von dem naemlichen Briefsteller beigelegt werde, der ihrem Koenige den Namen Chacan gibt: von dem Griechischen Kaiser Theophilus.»

Къ Теофилу относится форма прошедшаго совершеннаго «misit,» и только; относительныя же предложения «qui se...» «quos Rex...», конструкция которыхъ носитъ на себѣ характеръ чисто изъяснительный, не состоятъ ни въ какой внутренней, мысленной связи съ главнымъ предложениемъ «Misit (i. e., Imperator Theophilus),» какъ ихъ хотѣлось понять Кругу, а составляютъ вѣншія, фактическія опредѣленія къ неопредѣленному «quosdam», которое не было бы уместно, если бы понять мѣсто иначе. Что приводимое мѣсто не можетъ быть отрывкомъ изъ письма Теофилова, ясно также изъ того, что въ слѣдъ за тѣмъ ясно и точно ссылается на нее хронистъ словами: «petens per memoratam epistolam» etc. За чѣмъ была бы приведена эта ссылка, если бы все мѣсто было заимствовано изъ посланія? Что касается до Кругова «ihn», напечатаннаго курсивомъ, относимаго имъ къ Императору Теофилу,¹ то и оно не имѣетъ твердаго грамматическаго основанія: «Se и suus» тогда только относится къ подлежащему главнаго предложения, когда зависимое предложенье приводится, какъ мысль этого подлежащаго»² (Madwig, Lat. Sprachlehre, S. 463, § 490 c). А объ употребленіи возвратнаго мѣстоименія se въ среднихъ вѣкахъ достаточно выслушать слѣдующіи увѣтъ Бенедиктинцевъ у Дюканжа (Gloss. med. et inf. lat., изд. 1846 г., VI, p. 146): «Se pro eum vel eos; sui pro ejus; vel illorum; suus, sua, suum, pro ejus, vell illorum, passim occurrunt in chartis, interdum et in scriptoribus medii aevi; quod monuisse sufficiat.» На этихъ основаніяхъ я противорѣчу Кругу и принимаю смыслъ мѣста такъ, какъ

¹ Это se дѣйствительно относится къ Теофилу, но не на томъ основаніи, которое предлагаетъ Кругъ, не на томъ основаніи, что все это мѣсто заимствовано изъ его посланія, а на томъ, что se, по особенностямъ средневѣковой синтаксиса, употребляется вмѣстѣ eum.

² Слѣдовательно, тогда придаточное предложенье должно быть выражено или неопредѣленнымъ оборотомъ, или союзомъ, или мѣстоименіемъ съ соглас. накл.

извлекаетъ его Эверсъ (Предварительныя критическія изслѣд. I, стр. 118; II, стр. 275), хотя и остаюсь весьма далекимъ отъ крайнихъ Эверсовыхъ заключеній: его пониманіе оказывается, по моему мнѣнію, состоятельныѣе въ грамматическомъ отношеніи. Итакъ: сами пришельцы называли себя Rhos, желая скрыть свое происхожденіе; въ увѣренности, что это имя на Западѣ неизвѣстно. Они не ошиблись. По этому имени на Западѣ, въ Ingolunheim-ѣ, ихъ не могли узнать и стали развѣдывать. Оказалось, «по тщательнѣйшему развѣдыванію о причинѣ ихъ прибытія», что они происхожденія Порманнскаго, «Suiones.» Возможность узнать ихъ была. За десять лѣтъ до Теофилова посольства, въ 829 г. Лудовикъ принималъ посольство Шведское, принедавшее заявить, между прочимъ, о желаніи нѣкоторыхъ Шведовъ принять Христіанство. Отвѣтомъ было отпращиваніе къ нимъ Анскарія. Такъ свидѣтельствуется житіе Анскарія, описанное Римбертомъ (ум. 888), составляющее чистый и обильный источникъ познаній о древнемъ Сѣверѣ, которымъ много пользовался Адамъ Бременскій. Фактъ, слѣдовательно, ясенъ, и нѣтъ объективныхъ основаній заподозрѣвать его. Теперь остановимъ наше вниманіе на «Rhos» и царѣ ихъ «Chagan». Кругъ приводитъ народное имя «Suiones» въ связь съ «Rhos» и «Chagan» главнымъ образомъ чрезъ посредство двухъ свидѣтельствъ, во 1-хъ Бароніева документа, посланія Лудовика къ Императору Василию («Chaganum vero non praelatum Avarum, non Chazarorum, aut Northmannorum nuncupari reperimus»), и, такъ какъ невозможно допустить имя Northmanni въ устахъ Грековъ IX-го вѣка, о титулатурѣ которыхъ въ этомъ мѣстѣ посланія говорится, то Кругъ чувствуетъ необходимость доказать, что въ посланіи имя Northmanni есть не что иное, какъ переводъ Греческаго имени народа «Rhos (Ρῶς)» соответствующаго имени «Northmanni» Западной Имперіи. Этой послѣдней цѣли Кругъ думаетъ достигнуть посредствомъ извѣстнаго свидѣтельства Лунтпранда (писавшаго свою хронику 958 — 962. Wattenbach, Deutschlands Gesch. quellen, S. 210), сплюи котораго старается доказать, что имя «Northmanni» въ данномъ мѣстѣ есть не что иное, какъ переводъ Греч. Ρῶς (... Russios, quos alio nomine nos Northmannos appellamus;» «gens quaedam est sub Aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant Russios, nos vero a positione loci vocamus Normannos).» Посредство чрезвычайно

далекое! Писатель начала второй половины X-го вѣка не отвѣчаетъ засвидѣтельство IX-го вѣка. Кремонскій дипломатъ и хронистъ, самъ посѣтившій Царьградъ въ 949 г. и слышавшій о Византіи отъ отца и тестя, которые были до него туда посланы, стоитъ въ положеніи совершенно исключительномъ относительно всѣхъ другихъ свидѣтелей о томъ же до XI-го вѣка, и тѣмъ болѣе относительно Лудовика II, который, по наблюденіямъ самого Круга, неточенъ и не знаетъ многого такого, что могъ бы знать (*Forschungen*, S. 189 — 190). Смотри на Лудовика II-го, писавшаго свою еписколу къ Василию въ 971 г., тогда уже единоподержавному (*Chronologie der Bisantier*, von Ph. Kug. 1810, S. 4 — 11), какъ на хрониста своего времени, мы никакъ не можемъ допустить въ немъ ту точность этнографическихъ свѣдѣній, которая должна быть предположена въ немъ, если ставить его на одну доску съ Лутипраномъ. Каковы были господствующія тогда представленія Западныхъ хронистовъ о сѣверныхъ Нѣмцахъ? Невозможно указать мѣста, въ которомъ частное названіе какого ни будь Сѣвернаго племени выдерживалось бы постоянно во всѣхъ извѣстіяхъ, касающихся этого племени. Сообщимъ нѣкоторыя наблюденія. Въ древнемъ Датскомъ переводѣ отрывка изъ хроники, говорящаго о распространеніи Христіанства въ Даніи, мы находимъ извѣстіе о Рорикѣ: *thenna samma Giötrek slog Rorek (somvar Hoefding ofwer Frisland) och giorde Frisarna sig skattskyldiga. . . . Therfoere drog han (i. e., konung Harald) med sin Hustru och sin Broder Haerek til keyser Lodwik (Heims Kr. ed. Peringskjöld. 1697, p. 220; cf. Adamum Bremensem I, 27)*. Западные хронисты, равнодушные къ отбѣнкамъ сѣвернаго происхожденія, называютъ его Норманномъ, какъ, на пр., въ Фульденскихъ лѣтописяхъ (*Pertz, I, 366; Kruse, Chron. Nordmm., p. 1, 39*): «*Rorih natione Nordmannus, qui temporibus Hludowici imperatoris cum fratre Herioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit*» etc. (*Ibidem. Krusius, Chron. Nordd., p. 144*): «*Rorih natione Nordmannus*»..... *collecta Danigenorum non modica manu coepit piraticam exercere.*» Въ лѣтописи Пруденція замѣчается тоже, по справедливому замѣчанію г. Крузе (*ibidem, p. 166*): «*Nortmanni alveo Sequanae remenso, maria repetunt, cuncta maris loca finitima diripiunt, vastant atque incendiis concremant.... Dani, qui anno praeterito Aquitaniam vastaverant, remeantes, Sanctonas invadunt.*» Въ другомъ же лѣтописномъ отрывкѣ, приводимомъ тамъ же г. Крузе,

опустошеніе Аквитаніи приписывается вообще Норманнамъ. Далѣе не приводимъ, хотя *Chronicon Nordmannorum*, компиляція свѣдѣтельствъ о Норманнахъ, помѣщенная Перцомъ въ концѣ 1-го тома *Monn. Germ. Hist.* представляетъ много матеріала для подобныхъ заключеній. Лудовикъ II, вообще неточный, тѣмъ менѣе могъ придать имени *Ῥῶς*, встрѣтившемуся ему въ Василиевой епископѣ, значеніе одного изъ племенъ, вообще обозначаемыхъ генерически *Nordmanni*. Онъ ни откуда не могъ знать ничего о *Ῥῶς*, исключая случай 839 г., который обличилъ въ немъ только псевдонимъ, какъ я, держась Эверсова авторитета, старался доказать выше.

Итакъ, шатки, по моему мнѣнію, основанія Кругова толкованія. Слабость опоры въ мнѣніи выдаетъ тотъ *hypercriticismus*, который заставляетъ предполагать въ каждомъ мѣстѣ, отъ котораго мы ждемъ подтвержденія нашему мнѣнію, не то, что оно само даетъ, а то, что оно даетъ намъ при пособіи весьма сложныхъ и трудныхъ операций, на пр., при предположеніи, что именно извѣстное мѣсто памятника представляетъ выписку изъ посланія на Греческомъ языкѣ. Г. Куникъ (*Ueber die Berufung etc. II, S. 204*) надѣется даже доказать, что вышеприведенное мѣсто Бертинскихъ лѣтописей взято изъ Теофилова посланія, на томъ основаніи, что послѣ плавной *R* въ имени *Rhos* стоитъ гортанное придыханіе, представляющее, будто, вѣрный снимокъ Греческаго начертанія (*Ῥῶς*). Неужели забылъ Г. Куникъ тотъ произволъ, съ которымъ средневѣковые писцы выпускаютъ и придаютъ гортанное придыханіе *h*? Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть въ любую страницу любой средневѣковой хроники лишь по изданію древнему, или и новому, но удерживающему правописъ рукописей. Наконецъ, послушайте, чему учатъ Бенедиктинцы у Дюканжа (*G. m. et i. I, t. III, p. 605*, изд. 1844 г.): «*Quemadmodum vero perperam in MSS. codicibus non raro additur eadem haec littera (i. e. h), ita non rectius omittitur; utriusque exemplum accipe.*» Приведши примѣры, продолжаютъ: «*Et haec quidem sufficiant, rem quippe notam loquor; alias varietates sua sponte animadvertat studiosus lector.*» Мы думаемъ, слѣдовательно, что Норманны, недавнія нападенія которыхъ уже вселили страхъ въ умы Западныхъ людей, нуждаясь въ покровительствѣ Западной Монархіи, скрыли свое происхожденіе, назвавшись именемъ, неизвѣстнымъ на Западѣ, которое они могли узнать во время долгаго ихъ пребыванія на Востокѣ, гдѣ уже знали

страны «*barbararum et nimiae feritatis immanissimarum gentium*», по которымъ путь такъ затруднялъ ихъ. Раскрытіе же истинны ихъ происхожденія не могло затруднить въ выборѣ средствъ, если припомнить религіозное посольство 829 года изъ Швеціи и недавнее нападеніе Норманновъ. Въ слѣдствіе этихъ соображеній, мы увѣрены, что объясненіе значенія «*Rhos*» невозможно при руководствѣ внутренняго содержанія мѣста Бертинскихъ лѣтописей; нужно обратиться къ современнымъ Восточнымъ свѣдѣтельствамъ, которыя могутъ дать разъясненіе на это. Изъ нихъ же мы надѣемся уразумѣть значеніе титула *Chaganus*. Кругъ, въ своемъ воззрѣніи на титулъ *Chaganus*, какъ на титулъ, принадлежащій его Шведскимъ Руссамъ, опирается единственно на одномъ весьма сомнительнаго свойства мѣстѣ Лудовиковой вышенприведенной епистолы, въ которой авторъ утверждаетъ: «*Chaganum vero non praelatum Avarum, non Chazarorum, aut Nortmannorum nuncupari reperimus.*» Объ этомъ мѣстѣ самъ Кругъ выражается въ слѣдующихъ словахъ (*Forschungen* 1, p. 190): «*Ebenso ist es unbegreiflich wie Ludwig nicht will gefunden haben, dass die Fuersten (Praelati) der Avaren den Titel Chagan fuehrten.*» Намъ не кажется это непонятнымъ: мы не ожидали ни какой точности въ свѣдѣтельствѣ о титулатурѣ ханжествующаго вѣнценосца, который, удивляясь заботливости Василія о нихъ, говоритъ: «*cum imperii dignitas apud Deum non in vocabuli voce, sed in culmine pietatis glorioso consistat*» etc. (*Ibidem*), и вообще въ своихъ отзывахъ являетъ гораздо болѣе уваженія къ библейскимъ образцамъ (на пр., Давида), нежели къ современной ему дипломатіи. Миѣ кажутся гораздо болѣе заслуживающими вниманія и авторитета въ глазахъ безпристрастнаго критика мѣста изъ обширнаго сборника дипломатическихъ формулъ, актовъ и случаевъ, который представляетъ намъ произведеніе Константина Багрянороднаго «*de caerimoniis aulae Byzantinae*,» авторъ котораго истинный специалистъ въ этомъ дѣлѣ. Спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ Лудовиковой епистолы, Константинъ неоднократно называетъ владѣтелей племени, Ῥῶς — ἄρχοντες. Въ его сейчасъ названномъ произведеніи L. II, с. 48 (Ed. Bonn., pp. 690 — 691), даже непосредственно за формулою хрисовулы «*πρὸς τὸν καγάνον Χαζαρίας*» слѣдуетъ: «*εἰς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας βούλλα χρυσῇ δισολδία γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίτων βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας,*» *ibidem*. L. II, с. 15 (Ed. Bonn., p. 594): «*Ἐλγα*» называется «*ἡ ἀρχόντισσα Ῥωσίας.*»

Обозрѣвая въ хронологическомъ порядкѣ свѣдѣтельства Западно-Европейскихъ хроникъ, мы дошли до Адама Бременскаго. Каково этнографическое достоинство его свѣдѣтельствъ? По тому времени (половина XI вѣка), въ которомъ жилъ Адамъ, отъ его писаній нельзя ожидать ближайшихъ разъясненій для вопроса объ этнографическихъ отношеніяхъ, зачавшихся въ IX-мъ вѣкѣ. Онъ засталъ Русь уже въ ту пору, которая освѣщена данными несравненнаго достоинства, данными отечественнаго лѣтописанія и письменности. Тѣ произведенія средневѣковаго лѣтописанія, которыми пользовался Адамъ съ прямыми на нихъ указаніями отчасти (какъ то, — Эйнгартъ, Фульденскія лѣтописи, многія жизнеописанія, между которыми особенно обильнымъ источникомъ служило ему Римбертово жизнеописаніе Св. Анскарія), извѣстны въ своихъ подлинникахъ, отчасти же (какъ то: «Исторія Франковъ», Корвейскія лѣтописи), хотя и неизвѣстными остались, но по своей отдаленности отъ Руси, едва ли бы могли раскрыть что имъ было новое. Все произведеніе Адама проникнуто и оживлено обильными извѣстіями, почерпнутыми изъ устъ Датскаго Короля Свейна, который, по признанію Адама, «содержалъ въ своей памяти исторію варваровъ съ точностью писанной книги» (Н. Н. Е. Л. II, с. 14). Перо Адама передаетъ извѣстія изъ устъ Свейна, обличающія въ послѣднемъ знакомство съ народностью Славянъ, формами ихъ гражданскаго быта (Л. II, с. 24) въ мѣстностяхъ, развивавшихся совершенно другъ отъ друга независимо, каковы Ruzzia, Polabingi и пр. Но, отвлекаясь даже отъ драгоценныхъ свѣдѣній о религіозномъ бытѣ Славянъ, которыми наука обязана референту Свейна, что очистимъ мы исконнаго для разъясненія историческаго быта древней Руси? Отвѣчаемъ прямо: ничего, кромѣ того, что даетъ намъ Сага объ Олафѣ Гаральдсонѣ. Эти извѣстія Свейна представляютъ самый живой источникъ провѣрки сказаній Саги, источаемый тѣми устами, которыя, можетъ быть, были самымъ близкимъ посредствомъ въ преданіи, обработанномъ въ послѣдствіи въ Сагу. Извѣстія о родственныхъ отношеніяхъ Ярослава къ Сѣверу передаются совершенно согласно Сагѣ объ Олафѣ (Л. II, с. 37); самое имя Ярослава передано тѣмъ и другимъ источникомъ весьма близко: у Адама Gerzlef, въ Сагѣ Jarisleifr. Россія въ двухъ мѣстахъ названа Острогардомъ, согласно Сѣвернымъ источникамъ (Л. II, с. 19; Л. IV, с. 11.), «Ostrogard Ruzziae», имя,

которому объясненіе привнесъ Адамовъ схолиастъ (Schol. 116: «Ruzia vocatur a barbaris Danis Ostrogard, eo quod in oriente posita quasi hortus irriguus habundat omnibus bonis» etc.), съ которымъ вполне согласенъ и Гельмольдъ (I. 1. «Russia vocatur a Danis Ostrogard, eo quod in oriente positus»). Я думаю, что и Chive названъ «aemula sceptri Constantinopolitani», «clarissimum decus Graeciae», болѣе всего по тому, что такимъ казался онъ людямъ Сѣверныхъ странъ, наемные витязи которыхъ, хотя и торговались съ Ярославомъ, но вообще должны были находить плату Восточныхъ Конунговъ весьма щедрою. Для разъясненія послѣднихъ отношеній намъ въ послѣдствіи послужитъ Эймунова Сага. Ближайшимъ образомъ приведенные эпитеты Руси объясняются тѣми же Сѣверными источниками. Въ сагѣ объ Олафѣ Гаральдсонѣ находимъ двухъ предпринимателей съ приименемъ «Грекъ», объясняющимъ единственно тѣмъ, что ихъ походы военныя, торговыя, дипломатическія относились всего болѣе къ Гардарыку. Одинъ изъ нихъ назывался Guthleikur Gerski (Heims Kringla, ed. Peringskjöld, p. 448, Сага cap. LXIV), о которомъ въ указанномъ мѣстѣ говорится слѣдующее: «hann var furmathur oc kaupmathur mikill authigur oc rak kaupferthir til ymiszru landa hann for austur i gartha riki optlega oc var hann fyrir tha sauk kallathur guthleikur gersci,» и за тѣмъ идутъ нѣсколько главъ, посвященныхъ описанію его походовъ и торговли мѣхами. Въ послѣднихъ словахъ весьма ясно говорится, что Гутлейкръ назывался именно по тому Грекомъ, что ѣздилъ часто въ Гардарыкъ. Въ другомъ мѣстѣ той же Саги (cap. XCV, ed. Peringskjöld, p. 516) носитъ это имя посолъ Ярославовъ, который утвердительно отвѣтилъ отъ имени своего Конунга Ингигердъ, на ея требованіе Адейраборга: «Enn sendemenn hinir Gerdzco jatotho theszo af hendi Kongs sins.»¹ Что подъ именемъ Gersci, Gerdzco разумѣлось именно имя «Грекъ», кромѣ приведенныхъ мѣстъ Саги Олафа Гаральдсона важно слѣдующее мѣсто Саги Олафа Триггвасона: «honum var sagt at Ali kallathiz Gerscur at aett» (Грекъ по роду). (Heims Kringla, ed. Peringskjöld, p. 263).

Исследователи, должно признаться, не всегда критически относились къ Адамовымъ свѣдѣтельствамъ. Такъ, г. академикъ Бутковъ даетъ имъ равное достоинство съ свѣдѣтельствами Констан-

¹ Мѣсто это искажено въ переводѣ Перингскjöлда.

тина Багряна роднаго и нашего Пестора въ вопросѣ о томъ, «что имя «Русь» обнимало все Государство наше прежде удѣловъ и нашествія Монголовъ» (Оборона Пест., стр. 107). Едва ли, во первыхъ, нужно прибѣгать къ столь далекимъ средствамъ для доказательства вышеприведеннаго положенія. Для него доказательны памятники одного отечественнаго лѣтописанія, и тѣмъ болѣе, что съ 1016 года идутъ областныя свѣдѣтельства съ Сѣвера въ Новгородской лѣтописи, которые для своего времени подають свѣдѣтельства, гораздо болѣе ясныя, нежели Константиново о положеніи *Νεμροῦ ἄρθε-α ἔξω τῆς Ρωσίας*. Адамъ же, кромѣ того важнаго обстоятельства, что его свѣдѣнія о Руси предубѣждены его устнымъ Сѣвернымъ источникомъ и приобрѣтены не совѣмъ самостоятельнымъ путемъ, представляетъ извѣстія о положеніи Руси относительно тѣхъ Славянскихъ странъ, которыя были ближе къ нему, что ясно изъ слѣдующаго мѣста: «*Haec (i. e., Ruzzia) ultima vel maxima Winulorum provincia*» etc. Въ томъ же духѣ писаны и Схолл (см. Scholl. 17, 25). При такихъ условныхъ представленіяхъ о Руси не мудрено, что мы не встрѣчаемъ въ Исторіи Гамбургской церкви никакихъ свѣдѣній о сѣверѣ Руси, особенно заинтересованномъ въ вопросѣ, для разъясненія котораго, почтенный авторъ такъ много приводитъ свѣдѣтельствъ Адамовыхъ.

2. ИСТОЧНИКИ ВОСТОЧНЫЕ.

а). АРАБСКІЕ.

Полагая всю основу изслѣдованія о происхожденіи Руси въ извѣстіяхъ Восточныхъ писателей, Арабскихъ, Византійскихъ и всего болѣе отечественныхъ, мы останавливаемся въ раздумьи на отношеніяхъ между двумя первыми и на вліяніе этихъ отношеній на методъ ихъ изслѣдованія. По первому взгляду на язычную сторону именъ Сѣверныхъ народовъ въ писателяхъ Арабскихъ и Греческихъ, мы видимъ, что видъ ихъ у первыхъ обусловленъ образцами вторыхъ. Имя *سقلاب*¹ не можетъ иначе объясниться, какъ

¹ Множ. г. отъ *سقلاب*.

передачей Греческаго имени $\Sigma\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\iota$, $\Sigma\lambda\alpha\beta\acute{\eta}\nu\omicron\iota$ et simm.¹ По хорошему обычаю Арабскихъ писцовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласные знаки иностранныхъ словъ и диакритическіе знаки при согласныхъ, входящихъ въ ихъ составъ, спасаются для ученыхъ читателей рукописей Арабскихъ, особеннымъ, слѣдующимъ за начертаніемъ собственнаго имени, перечисленіемъ всѣхъ буквъ, имя составляющихъ. По счастью, буквы, составляющія имя سقلاب , неразъ перечислены. Изъ этихъ перечисленій мы видимъ, что между ṣad и qāf Арабы произносили иногда фатгу, иногда кесру (*Charmou*, p. 369). Отдѣленіе обоихъ звуковъ произошло по побужденію, весьма понятному въ Арабскомъ языкѣ, не терпящемъ стеченія согласныхъ. Когда иностранное слово переходитъ въ Арабскій языкъ съ двумя согласными въ началѣ, то, оставляя это скопленіе, Арабы предупреждаютъ тяжелое произношеніе гласною; такъ произошли أسفنج ($\sigma\pi\acute{o}\gamma\gamma\omicron\varsigma$), استقيل ($\sigma\kappa\iota\lambda\lambda\alpha$) (etc. *Ewald. Grammatica critica l. A.*, p. 23, § 35). Въ нашемъ же случаѣ представилось еще болѣе трудное сочетаніе трехъ согласныхъ въ началѣ. И при томъ, замѣтимъ, изъ этихъ этнографическихъ данныхъ Арабскихъ писателей видна нѣкоторая ихъ предубѣжденность отъ Грековъ относительно Славянской народности. Какъ видно, Арабскіе путешественники узнали отъ Грековъ о Славянскомъ основномъ населеніи Придунайскихъ Болгаръ, и это свое свѣдѣніе перенесли на народность Болгаръ Поволжскихъ, которыхъ многіе изъ нихъ называютъ Славянами (*Charmou*, N 109, pp. 371, 308; *Fraehn, J-F.*, S. LV, 166). Начертанія روس и رس не позволяютъ намъ, при ихъ двоякости, смотрѣть на первое, какъ на слѣдъ Греческаго Ῥως . Ахметъ бенъ-Фодланъ, приводимый Якутомъ, въ первой строкѣ отрывка употребляетъ и то и другое начертаніе (*Fraehn, S. 2* и прим. 3, S. 33). ⁴ Если чаще встрѣчается первое начертаніе, нежели второе, то по тому только, что писцы, зная трудность начертанія и произношенія иностранныхъ словъ, при выпущеніи гласныхъ знаковъ, писали всегда wau и jā , вмѣсто dammi и кесры. Такъ, на пр., въ Греческихъ именахъ встрѣчаемъ waw стоящимъ на мѣстѣ w и ō и ō Греческихъ: لاون ($\Lambda\epsilon\omega\nu$), ديونوسس ($\Delta\iota\omicron\nu\nu\sigma\iota\omicron\varsigma$ *Gr. critica l. Arab. Ewald, p. 46; adnot. 2*).

⁴ روس ويقال لهم رس بغير واد.

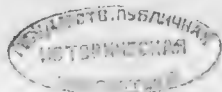
Если въ древнѣйшихъ Арабскихъ путешественникахъ нельзя открыть во многомъ зависимости отъ Греческихъ писателей, если во многихъ изъ нихъ слишкомъ живы и ясны слѣды личныхъ и часто прозорливыхъ наблюденій, то для соображенія важно имѣть въ виду то, что они не вездѣ самостоятельны въ своихъ извѣстіяхъ, заимствуя основное воззрѣніе, или даже и подробности изложенія, изъ сочиненій своихъ древнѣйшихъ соотечественниковъ. Не говоря о Самріѣ Касвини (Френъ, S. 209), умершемъ въ 1283 г., о ибнъ-ель-Варди (ум. 1348—1349. Charmou, p. 305), позднѣйшемъ компиляторѣ (Френъ, S. 64), ибнъ-Шебиѣ Гаррани и прочихъ позднихъ, черпавшихъ изъ Ахмедова произведенія, какъ изъ источника вѣрныхъ свѣдѣній о Руси, даже писатель начала второй половины X вѣка черпаетъ изъ путешествія своего предшественника первой половины и начала того же вѣка. Такъ, ибнъ-Гаукаль черпаетъ изъ كتاب الاقاليم Истахри (Френъ, S. IX—X, XXI—XXII (прим.), Charmou, p. 301). Это обстоятельство чрезвычайно важно, и исследователи, не принимавшіе его въ расчетъ, часто впадали въ промахи, которыхъ бы избѣгли, если бы имѣли его въ виду. Мы разумѣемъ Эверса. Въ своихъ «Предварительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ» (2, стр. 185), отказавшись отъ всякаго опредѣленнаго этнографическаго вывода о Руси изъ извѣстнаго мѣста ибнъ-ель-Гаукаля о трехъ различныхъ племенахъ, онъ главную опору своего мнѣнія о Турецкомъ происхожденіи Руси составляетъ въ свѣдѣтельствѣ ибнъ-ель-Варди. Съ свѣдѣтельствомъ ибнъ-ель-Варди Эверсъ былъ знакомъ по Французской передачѣ Гербелота, которая и приводится имъ въ 9 примѣчаніи къ главѣ о происхожденіи Руси (Рус. переводъ II, стр. 191). Мнѣ неизвѣстно состояніе того текста, который имѣлъ предъ собою Гербелотъ, но, къ счастью, въ свой переводъ онъ вставляетъ тотъ глаголъ изъ Арабскаго текста, отъ котораго зависитъ весь синтаксисъ мѣста, а, слѣдовательно, и весь его смыслъ. Вотъ важное для насъ мѣсто его перевода: «Ebn el'Vardi dit, que les Russes sont une nation, encathaat men al Turcs, qui est separée de celle des Turcs Orientaux,» etc. Но текстъ, установленный Френомъ по тремъ доступнымъ ему рукописямъ (Ibn-Foszlan, S. 43—44), представляетъ собою другое. Въ немъ Rûs опредѣляется, какъ племя въ сторонѣ Болгаръ (قوم بناحية بلغار) между его (т. е., страной Болгаръ) и Славянскою. За тѣмъ продолжается: «и отдѣлилась шайка (племя? Френъ) изъ

Турокъ (т. е., Турецкая طابفة من الترك) изъ странъ ихъ (عن بلادهم). Слѣдовательно, предлогъ мен здѣсь служитъ описаніемъ родительнаго надежа, а глаголъ управляетъ существительнымъ belâd во множ. ч. чрезъ посредство предлога عن, управление, самое обыкновенное для глагола, имѣющаго значеніе «оставить, отдѣлиться, разлучиться», какой получаетъ глаголъ «نطه» въ 7 формѣ. Эту Турецкую народность авторъ въ слѣдъ за тѣмъ и называетъ Печенѣгами, или, по Арабскому произношенію, Bedjnakije. Доселѣ ибнъ-ель-Варди. Какъ видимъ, онъ не свѣдѣтельствуешь ни сколько въ пользу Эверса. Другіе Арабскіе географы, которыхъ Эверсъ отчасти призвалъ ко свѣдѣтельству, отчасти могъ бы призвать, дѣйствительно свѣдѣтельствующіе, что Русь есть народность Турокъ, не заставляють долго на себѣ останавливаться изслѣдователя, которому извѣстны первыя три строки произведенія Ахмеда бенъ-Фодлана. Свѣдѣтельство принадлежитъ Бакуви, писавшему около 1405 г. Въ немъ Эверсъ видитъ подтвержденіе своему мнѣнію, главнымъ образомъ основанному на мѣстѣ ибнъ-ель-Варди, выше разобранномъ, тогда какъ оно взято изъ начала Фодланова произведенія, искаженнаго, можетъ быть, испорченностью рукописи, которую имѣлъ передъ собою Бакуви, или собственной виной Бакуви, — невниманіемъ. Все Бакувиево свѣдѣтельство взято изъ Ахмедова произведенія, въ началѣ котораго говорится, что «Русь есть большой народъ, страна котораго граничитъ со странами Славянъ, Турокъ» и пр. У Бакуви читаемъ: «Русь состоитъ изъ многочисленныхъ Турецкихъ націй и граничитъ съ Славянами» и пр. (Френъ, S. 41). На Бакуви уже основаны аналогическія мѣста Димешки и Абуль-Аббаса (пис. 1599 г.). Это же мѣсто Фодлана приводится правильно и дословно въ классическомъ географическомъ лексиконѣ, въ Камусѣ (Френъ, S. 42—43). Наконецъ, сама же Арабская литература представляетъ средство исправить промахи невнимательныхъ позднѣйшихъ компиляторовъ, и Арабскій библиографъ въ Джиханъ-Нума говоритъ, что въ одной хроникѣ Руссы причислены къ Туркамъ. Но, говоритъ онъ, ясно, что Руссы не Турки (Френъ, S. 46). Изъ этого ясна важность знанія взаимныхъ отношеній Арабскихъ писателей. Оставляя, впрочемъ, этѣ явныя улики, вообще говоря, весьма трудно предположить, чтобы писатель половины XIV вѣка (ум. 1348—49), каковъ Варди, или начала XV-го вѣка, каковъ Бакуви, и тѣмъ

менѣе конца XVI вѣка, каковъ Абуль-Аббасъ, могъ сообщить что ни будь, не заключающееся у Фодлана, Массуди, Истахри, Ибнъ-Гаукала.

Но, не смотря на слѣды нѣкоторой предубѣжденности со стороны Грековъ, замѣчаемой въ нѣкоторыхъ Арабскихъ путешествіяхъ, и на зависимость, несвободу ихъ этнографическихъ представленій, которую прійдется намъ иногда указывать, мы высоко цѣнимъ извѣстія ихъ, какъ основанныя часто на личныхъ наблюденіяхъ надъ подробностями быта, часто имѣющими въ этнографическомъ отношеніи цѣну едва ли не высшую, нежели самыя имена. Одни Якутовы отрывки совершенно достаточны для того, чтобы внушить довѣріе къ сообщаемому. Такъ, Ахмедъ бенъ-Фодланъ предупреждаетъ свое драгоценное описаніе Русскихъ обрядовъ погребенія словами: «миѣ говорили (يقال لی) и я ждалъ удостовѣриться въ этомъ» (فكنت احب ان اقف علی) S. 10. Затѣмъ, подъ конецъ описанія, онъ приводитъ свой разговоръ съ близъ стоящимъ человѣкомъ изъ народа-Руси, въ высокѣй степени любопытный въ этнографическомъ отношеніи, которымъ мы, въ послѣдствіи, воспользуемся. Но самый яркій примѣръ образа развѣдыванія Арабскихъ путешественниковъ представляетъ глава Якутова географическаго словаря о Башкирахъ, принадлежащая Фодлану же (отдѣльно оттиснутая Френомъ весьма давно изъ *Mém. de l'Acad. de S.-Pburg.*). Это — сплошной разговоръ путешественника съ туземцемъ.

Итакъ, постараемся сначала раскрыть этнографическія представленія Арабскихъ писателей, а за тѣмъ приступимъ къ оцѣнкѣ подробностей быта, ими сообщаемыхъ. Арабскіе путешественники ѣздили въ землю Козарскую, Болгарскую и встрѣчались тамъ съ Русью и Славянами (держась ихъ терминологіи) по дѣламъ торговли. Древнѣйшій изъ такихъ свѣдѣтелей древнихъ судебъ нашего отечества есть Ахмедъ бенъ-Фодланъ, совершавшій свое путешествіе въ Іюнѣ мѣсяцѣ 921 г. (Fraehn, S. LIV), или 309 г. Геджры, мѣсяца Сеферъ (Онъ же, *De Baschkiris*, pp. 2, 6). Но та сторона и до него была извѣстна и съ точностью, ни какъ не уступающею послѣдующей эпохѣ. Мухамедъ бенъ-Кесиръ Ферсани, писавшій около 844 г. свое астрономическое произведеніе (Fraehn, *Ibn.-F.*, S. XIX; *Charmoу*, p. 306), говоритъ объ этой области и называетъ не только Турецкія племена Козаръ, Бурд-

жанъ, но и Славянъ, а объ Руси не упоминаетъ вовсе (Френъ, стр. 40). Давнее знакомство Арабовъ съ Славянскою народностью не ограничивается Славянами, сосѣдившими Козарамъ, «жилица которыхъ (Славянъ) простираются на сѣверъ до самаго Океана», по опредѣленію Массуди (Charmoy, pp. 308, 312, 331). Древнѣйшіе изъ Арабскихъ свѣдѣтелей о Славянахъ знаютъ ихъ поплеменно, хотя данныя ихъ, относящіяся къ другимъ Славянамъ, далеко не такъ ясны и неподозрительны (у Charmoy, pp. 309, 313, 314), каковы тѣ, которыя относятся къ Славянамъ Русскимъ. Но между ними есть и такія, которыя сами собою ясны, каковы извѣстія Массуди о племени Мораванъ, Хорватовъ, Сербовъ (Charmoy, p. 331). Несомнѣннымъ кажется, что данныя эти Греческаго происхожденія, ибо и Массуди, планъ путешествія котораго былъ обширнѣе, чѣмъ у другихъ Арабскихъ путешественниковъ, не заѣзжалъ въ тѣ области, въ которыхъ онъ могъ бы лично наблюдать жизнь этихъ племенъ (Charmoy, pp. 315—316). Вообще извѣстія Массуди отличаются отсутствіемъ живой наблюдательности, которая такъ драгоценна въ Ибнъ-Фодланѣ, и нѣкоторою ученостію въ направленіи мысли, ихъ одушевляющей. Такъ, на пр., живой разсказъ Ахмеда объ обрядахъ погребальнаго сожженія у Руссовъ, Массуди дополняетъ извѣстіемъ, что будто бы были посмертные браки, на которые рѣшались женщины, стремясь къ раю, даруемому въ вознагражденіе за жертву. Въ слѣдъ за этимъ Массуди напоминаетъ сходство Русскаго обычая съ Индускимъ. Что его данныя представляютъ весьма не ясные отголоски вездѣ, гдѣ касается дѣла исторіи, ясно изъ страннаго повѣствованія объ единствѣ всеи Славянскои народности, объ единомъ царѣ ея, называемомъ *ماجال*, о возмущеніи этого единства и раздѣленіи племенъ (Charmoy, pp. 315—316). Отсутствіе личныхъ наблюденій замѣтно и на томъ, что всѣ обряды погребенія сокращены въ 2 — 3 слова, при чемъ данныя Фодлана обобщены, обряды сожженія отнесены ко всѣмъ людямъ племени.¹ Что ближайшимъ образомъ важно для насъ въ семъ свѣдѣтельствѣ, это то, что обычай сожженія приписанъ въ немъ наравнѣ и Славянамъ и Руссамъ вмѣстѣ. Точно также то, что у Ибнъ-Фодлана и Гаукала говорится о торговлѣ Руси въ Итилѣ (S. 4, строки 1—2, S. 71), то у Массуди приписывается вмѣстѣ

¹ Charmoy, p. 316: وإذا مات الرجل احرقته معه امراته

и Русь и Славянамъ (Charney, p. 317), и притомъ съ тою подробностью, что Русь и Славяне, какъ язычники, ¹ имѣютъ своего судью (кадія), который ихъ судить по языческому обряду (Charney, p. 317; Fraehn, S. 71, и на 248—текстъ). Эта послѣдняя подробность совершенно оправдывается Византійскими отношеніями, въ которыхъ установилась, судя по договору Игореву, и особенная языческая клятва, и особенный судъ, судя по выраженію договора «по Рускому закону». Тѣ же слѣды исторической истины тѣхъ временъ, когда знакомились Арабы съ Сѣверо-Восточными племенами Славянъ на почвѣ Турецкихъ, Припонтійскихъ и Прикаспійскихъ народностей, удержали Массуди, Петахри, ибнъ-Гаукаль (у Френа, см. прим. 18, SS. 59 — 67). Послѣдній изъ нихъ уже упоминаетъ о Поволжескихъ Болгарахъ, какъ о чемъ-то миновавшемъ, напоминая тѣмъ дѣянія Святославовы: онъ говоритъ о нихъ постоянно въ прошедшемъ времени. ² Завязка отношеній къ Козарамъ чрезвычайно ясна изъ повѣствованія Массудіева о разореніи Каспійскихъ областей толпами Руссовъ, оградившихъ себя предварительнымъ договоромъ съ Козарскимъ Каганомъ. Здѣсь (у Френа, въ прилож., SS. 242 — 247, по полученіи текста отъ проф. Гамакера; сл. SS. 60—62) ни разу не упоминаются Славяне, не замѣтны предводители, видна одна дружина. Возможность такихъ частныхъ предпріятій объясняется не доволѣствомъ Варяговъ, которое часто заставляло ихъ оставлять знамя своего предводителя. Напоминаю рассказъ Нестора въ лѣтописи подъ 6453 г. (Лавр. сп., изд. Тимк., стр. 26 — 27). Приведемъ это повѣствованіе о пораженіи Руссовъ Прикаспійскими Турками въ 912 г. въ связь съ тѣмъ извѣстіемъ того же Массуди, что Русь товариществовала и была привязана къ Царю, т. е., Кагану Козарскому. ³ Мы не сомнѣваемся, что послѣднія слова относятся не къ «Славянамъ и Русь», вмѣстѣ названнымъ въ предыдущемъ предложеніи, а къ одной Русь. Въ связи съ цѣлымъ этого мѣста у Массуди были побужденія постоянно на-

¹ При чемъ употреблено слово *اجاهلیة* вмѣсто обыкновеннаго *مجهول*.

² *وكانت مشهورة* были знамениты; (въ давнопрошедшемъ).

³ *هم من جند الملک وعبیل*. — Очевидно что *هم* относится къ только что названному Русь и Славянамъ, для избѣжанія повторенія одного изъ нихъ «Русь».

зывать Русь и Славянъ вмѣстѣ, ибо рѣчь шла объ обычаяхъ и отношеніяхъ къ сосѣдямъ Руси и Славянъ, пограничныхъ Козарамъ; послѣдняя же строка, столь напоминающая намъ описаніе того же Массуди похода 912 г. одной Руси на Турокъ Прикаспійскихъ, при чемъ Русь, дѣйствительно, товариществовала Козарскому Кагану, съ которымъ подѣлилась половиной добычи за пропускъ чрезъ его границы, эта послѣдняя строка (Charnoy, p. 317) привязана указательнымъ мѣстоименіемъ къ мѣсту, съ которымъ внутренней связи не имѣетъ:

Итакъ въ Массуди мы видимъ слѣды отдѣльнаго существованія Руси отъ Славянъ наряду съ совмѣстнымъ. Въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ уже преобладаетъ смѣшеніе. Такъ, извѣстіе ибнъ-Гаукала о четырехъ племенахъ Руси, въ которыхъ Френъ (SS. 142 — 176) съ болѣею вѣроятностью открылъ Полянъ съ главнымъ городомъ Кіевомъ, Мордву въ Коратаѣ и Ерзани и Литовцевъ (колеблясь между ними и Славянами Новгородскими, Ладожанами), остается изъ позднѣйшихъ заимствователей у одного ибнъ-ель-Варди за Руссами, а у Едриси Мессинскаго, заимствовавшего изъ Гаукала, переносится на Сиклабъ (Славянъ). Академикъ Шармуа, приводя мнѣніе «своего знаменитаго сочлена» о «Ertzânie» (= Ерзанъ) Арабскихъ писателей, сдѣлалъ весьма несчастную попытку сблизить «Ertzânie» съ «Ἀρεντάνοι» Константина Багрянороднаго, поставляя это, вѣроятно, въ связь съ тѣмъ, что Едриси Мессинскій, перечисляя 4 племени, приписываетъ ихъ Славянамъ (Charnoy, p. 389). Географическія и этнографическія данныя касательно «Ἀρεντάνοι» у Константина весьма ясны (De adm. imperio, capp. 26, 36. Ed. Bonn., pp. 128, 163): это Сербскіе обитатели области Неретвы въ приморской Далматин (Šaf., Slov. Slovož., str. 655 — 668; Вукъ, Рѣчникъ 1852, стр. 418). Но вѣдь изъ отношенія свѣдѣтельства Едриси, писателя второй половины XII-го в., къ свѣдѣтельству ибнъ-Гаукала, писателя второй половины X-го в., весьма ясно, что подъ этими Славянами разумѣются Славяне Русскіе и, живущіе на ихъ почвѣ, иноплеменники, о географическомъ положеніи которыхъ Арабы, не исключая и Едриси, имѣли ясное представленіе. Притомъ, названіе Мордовскаго племени «Ерзанъ» ближе къ «Ertzânie» съ его трехточечнымъ t (j), нежели къ Византійскимъ «Ἀρεντάνοι», имя которыхъ у Константина представляетъ Греческую передѣлку Славянскаго имени Неретянъ (česk. Nerečane).

Касаясь отношеній внутреннихъ, отношеній къ племенамъ, живущимъ на, подданный Руси, почвѣ, Персидскіе писатели также отличаютъ Славянъ отъ Руси, называя ихъ отдѣльно; такъ, на пр., въ одномъ Персидскомъ отрывкѣ говорится, что Славяне, равно какъ и Русь, находятся въ постоянной враждѣ съ Мещерою (ср. лѣтописныя Русскія извѣстія у Шлецера, II, pp. 106, 108). Но послѣднимъ должно то поставить въ упрекъ, что эпитетъ محسوسъ, придаваемыйъ Арабскими писателями Руси, наравнѣ съ Славянами, въ общемъ смыслѣ «язычникъ», они ложно истолковали поклоненіемъ огню (Charmon, p. 367). Кромѣ приведеннаго географа, знаменитый Персидскій же географъ Касвини (Fraehn, S. 87), писавшій свои «Диковины странъ» въ 1275 г., также, по легко объяснимому побужденію, въ противорѣчіе всѣмъ Арабскимъ извѣстіямъ, называетъ Славянъ «معطلا» оставленными (безъ Бога), прибавляя يكون من عبدة النیراة (и они суть изъ поклонниковъ огня). Эти мѣста Персидскихъ географовъ до того рѣдки и до того сами себя обличаютъ, если поставить ихъ наряду со всѣми Арабскими, болѣе подробными, точными и живыми, извѣстіями объ обычаяхъ Руси и Славянъ, что Академикъ Френъ не принялъ ихъ въ расчетъ, говоря о значеніи слова محسوسъ у Арабовъ, въ приложеніи къ Европейскимъ народностямъ (Fraehn, S. 137 и прим.). За этимъ единственнымъ исключеніемъ, всѣ Арабскіе писатели, не принимая въ расчетъ ибнъ-Фодлана, чрезвычайно вѣрно дѣйствительности передаютъ черты быта Славянскаго на Руси: «потокъ и разграбленіе» Русской правды отражается въ извѣстіи Абу-Гамида Испанскаго, рассказывающаго, что несостоятельный должникъ иностранцу расплачивается съ послѣднимъ своимъ семействомъ, жилищемъ и своею личностью. Уставъ Владиміра Князя (Всеволодовича), современникъ абу-Гамиду, путешествовавшему въ Болгаріи въ XII-мъ вѣкѣ, предлагаетъ слѣдующую статью о долгахъ: «аще кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ гость изыного города, и — за чужеземецъ, а не вѣдая, запуститъ товаръ за нь, а опять начнетъ не дати гостю кунъ, а первии должнищи начнутъ ему не дати, запинающе куны, то вести на торгъ, продати же и дати первое гостины кунъ, а домашнимъ что ся останеть купъ, тѣмъ ся подѣлять,» и пр. (Рус. достоп. II, стр. 48 — 49). Извѣстію того же писателя (Charmon, p. 342) о продажѣ обольстителю дѣвцы встрѣчаемъ дословное подтвержденіе въ такъ назы-

ваемомъ Константиновомъ узаконеніи, столь рано возымѣвшемъ дѣйствіе въ древней Руси, а именно: «преложився дѣвниці дѣвою преже времени 13 лѣта да продасться отокъ со всемъ именіемъ своимъ,» и пр. (Рус. достоп. II, стр. 156). Извѣстіе того же Араба объ обычной казни волшебницъ сверженіемъ въ рѣку также неоднократно подтверждается стариной Новагорода, въ которомъ сверженіе съ моста было обычною казнію.

Доселѣ мы разсмотрѣли важнѣйшія и достовѣрнѣйшія данныя, касающіяся ближайшимъ образомъ Руси и Славянъ, ихъ сожителей, не касаясь еще древнѣйшаго о нихъ Арабскаго свѣдѣтеля, ибнъ-Фодлана. Его драгоценныя данныя мы отлагаемъ подъ самыи конецъ обзора Арабскихъ свѣдѣтельствъ, для ихъ провѣрки. Теперь обратимся къ тому, что даютъ Арабы важнаго и достовѣрнаго касательно Варяговъ, также на время исключая ибнъ-Фодлана. Данныя, касающіяся ихъ, столь затемнены испорченнымъ состояніемъ главныхъ текстовъ, что какъ ни много посвятилъ Академикъ Френъ знанія и остроумія для ихъ исправленія, мы остаемся въ нихъ положительно неубѣжденными. Какъ извѣстно, первый, указавшій на Арабскій источникъ познаній о Варягахъ, былъ Шлёцеръ (Несторъ I, S. 56), приведшій слова *بجرورنك* изъ Абульфеда, по изданію Рейске, по правильному чтенію Лейденскаго кодекса. Академикъ Френъ чтеніе это не только одобрилъ, но и подтвердилъ его неопровержимыми дипломатическими авторитетами, силою ихъ отринувши ложное чтеніе рукописей многихъ географическихъ сочиненій Арабскихъ *وزنك*; Абульфедово же показаніе онъ свелъ къ его источнику, и при томъ представилъ полный сводъ всѣхъ доступныхъ для него тогда Арабскихъ свѣдѣтельствъ о Варягахъ. Абульфеда самъ ссылается на Бируни (X — XI. в.), какъ на свой источникъ. По слѣченіи оказывается, что Абульфеда сильно обобщилъ смыслъ Бируниева показанія, ибо сѣверное положеніе Варяжскаго моря онъ опредѣляетъ протяженіемъ его въ сѣверныя страны Славянъ. Дальнѣйшее его протяженіе на югъ смѣшнымъ образомъ опредѣляется близостью къ Багдаду (*قرب ارض البغداد*). Это неизлѣчимо страдающее мѣсто въ связи съ слѣдующимъ словомъ, также испорченнымъ, Френъ исправляетъ, по чистой догадкѣ, замѣной имени Багдада названіемъ страны Приволжскихъ Болгаръ (S. 183*). Нѣтъ никакого авторитета для этого исправленія: ни

дипломатическаго (кодексовъ), ни палеографическихъ (сходства начертанія того и другаго имени). Миѣ кажется, что Абульфе-дово обобщеніе Бируніева показанія свѣдѣтельствуесть достаточно о томъ, что мѣсто это измучено писцами уже давно. Другіе Арабскіе же референты, не имѣя въ такой степени обдуманности и осторожности, въ какой ими обладалъ Абульфеда, по желанію, искажали это мѣсто, или просто пропускали изъ него то, чего не понимали. Ибнъ-ель-Варди, приводящій того же Бируні, подѣ именемъ Абу 'р 'Рихана Хорезми, приводитъ его свѣдѣтельство, о направленіи моря Варяжскаго на сѣверъ рѣшительно дословно, а наше темное мѣсто совсѣмъ пропускаетъ. Тоже дѣлаетъ Насиръ Еддинъ Тусскій, дополняемый своимъ схолиастомъ Жоржани. Важнѣе послѣднихъ заимствованій изъ Бируні свѣдѣтельство, сообщенное Шемсъ-Ед-дин-Димешки, писателемъ начала XIV в., но важенъ онъ однимъ своимъ мѣстомъ, хотя и заподозрѣннымъ Френомъ, все же, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не нуждающимся въ предложенномъ имъ исправленіи. Вотъ оно: وهم سقلب الصقالبة. Френъ, подтверждая, что и то и другое изъ рядомъ стоящихъ начертаній народнаго имени Славянъ имѣютъ за себя палеографическія доказательства, заподозрѣваетъ, чтобы то и другое могло быть унотреблено рядомъ ¹ для обозначенія превосходной степени, «Славяне изъ Славянъ», т. е., «лучшіе изъ Славянъ», по особенностямъ Арабскаго языка (S. 191). На основаніи своего подозрѣнія, Френъ рѣшился исправить первое изъ рядомъ стоящихъ именъ, тождественныхъ по составу, но различныхъ по начертанію, глаголомъ يقابلون въ 3 формѣ въ значеніи «противопологать», и переводитъ — «и они (т. е., Варяги) живутъ насупротивъ Славянъ» (S. 191). Слѣдовательно, для замѣны этимъ глаголомъ выше приведеннаго слова, онъ предположилъ метатезисъ послѣднихъ двухъ слоговъ (بل вмѣсто لب). Допустимъ это; но окончаніе глагола и замѣна س буквою ل дѣлаютъ поправку съ палеографической стороны весьма мало вѣроятною. А есть возможность удвоенія народнаго имени весьма удовлетворительная. Кромѣ объясненія формою превосходной степени, есть еще одно, не менѣе

¹ О возможности смѣшенія буквъ ص и س. См. Ewald, Gram. crit. I. Arab., § 59; I, p. 34.

положительное. Въ Камусѣ, между нарицательными значеніями народнаго имени — صقلاب —, приводится одно, которое можетъ объяснить наше мѣсто. Его такъ передаетъ Академикъ Шармуа: «On donne également ce nom à un homme, qui a la peau blanche et à celui, dont la carnation est rouge» (р. 307). Различіе въ правописаніи могло быть употреблено съ цѣлью отличить нарицательное значеніе имени отъ его собственнаго значенія, особенно въ этомъ мѣстѣ, гдѣ они по случаю стоятъ рядомъ. Принявши это въ расчетъ, я совершенно соглашаюсь съ переводомъ Шармуа: «Ce sont ceux d'entre les Slaves, qui ont la carnation la plus blanche et les cheveux les plus blonds.» Возрѣніе Димешки на Варяговъ, какъ на Славянъ, оправдать весьма легко. Арабскіе географы часто исходили отъ географическаго сосѣдства племенъ къ заключенію объ ихъ этнографическомъ сродствѣ. Потому-то особенно привилось къ нимъ мнѣніе о Турецкомъ происхожденіи Руси, порожденное простымъ недосмотромъ, или испорченностью рукописи произведенія Ахмеда бен-Фодлана; потому-то они роднили Русь и съ Румъ. И такъ, вотъ смыслъ, извлекаемый изъ этого мѣста Димешки, помощью толкованія, какъ намъ кажется, весьма непринужденнаго. Одно главнымъ образомъ мѣсто занимаетъ насъ, кромѣ уже выше приведенныхъ и разобранныхъ, имѣющее ближайшее отношеніе къ имени «Варягъ.» Это мѣсто принадлежитъ Димешки же. Говоря о Средиземномъ морѣ, онъ говоритъ: «разногласятъ (اختلفوا) объ отросткѣ (ساعد — рукавъ, рукъ?), который исходитъ отъ него (т. е., отъ Средиземнаго моря) при Константинополѣ. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ выходитъ изъ моря neites (نيطس), которое есть море черное и называется «также» моремъ Руси, соединяется съ моремъ Варяговъ Славин (Славянъ — لصقالبه)». Въ послѣднихъ двухъ словахъ Френъ снова поправляетъ и, какъ мнѣ кажется, рѣшительно безъ нужды. Онъ (S. 183 и къ ней прим.*) между обоими именами ставитъ соединительный союзъ (و), и на этомъ основаніи переводитъ: «Und das Russen- Meer stehe mit dem Meere der Warenger und der Slaven in Verbindung.» Въ примѣчаніи же къ частицѣ «und» ссылается на выше разобранный мѣсто Димешки, въ которомъ, будто бы, есть это сочетаніе двухъ именъ. Но вѣдь и тамъ оно существуетъ только до тѣхъ поръ, пока существуетъ поправка ученаго Арабиста, а само отъ себя оно молчитъ безотзывно на мнѣніе и допросы

Арабиста. Признавши и эту Френову поправку вполне произвольною, ссылаемся на сказанное при разборѣ предшествующаго мѣста Димешки. Итакъ, двумя мѣстами Димешки утверждается связь Варягъ съ Славянами. Этому мы не придаемъ никакого авторитета, ибо знаемъ, что Арабы любили смѣшивать географическое сосѣдство съ этнографическимъ сродствомъ. Относительно же связи Русскаго моря съ Варяжскимъ есть весьма много свѣдѣтельствъ, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторые весьма испорчены. Но при чтеніи свѣдѣтельства Бируни ясно становится, что Димешки его разумѣлъ, или кого ни будь изъ его многочисленныхъ референтовъ, передававшихъ вѣрнѣе другихъ его свѣдѣтельство. За тѣмъ Димешки говоритъ, что другіе отрицаютъ связь Русскаго моря съ Варяжскимъ. Таковъ, на примѣръ, Джорджани. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣстахъ названіе Русскаго моря не возбуждаетъ ни какихъ этнографическихъ воспоминаній; Варяжское же побуждаетъ ихъ говорить о народѣ «Варанкъ», которыхъ Ширази и Джорджани называютъ народомъ высокаго роста и воинственнымъ.

Упомянемъ еще о двухъ свѣдѣтельствахъ позднихъ, для полноты лишь. Персъ Касвини (XIV в.) называетъ Варяжское море Галатикунъ (غالاتيقون): форма обличаетъ Греческое происхожденіе этого названія. Другое принадлежитъ Ширази (XIII — XIV), приводимому Туркомъ Шерифъ-Джорджани, по которому первый называлъ Варяговъ народностью Шведскою, а по географическому положенію прилежащими къ морю, сосѣдями ихъ называлъ Датчанъ, Шведовъ, жителей Ливоніи, Пруссіи и Аламаніи, по имени которой и называетъ Джорджани море Варяжское Аламанскимъ.

Переходимъ къ ибнъ-Фодлану.

Приступая къ оцѣнкѣ данныхъ этого незабвеннаго Симита, столь отчетливо замѣтившаго черты и особенности Индо-Европейскаго язычества, мы невольно обращаемъ взоръ на заблужденія Эверса, объясняемые лишь плохимъ язычнымъ состояніемъ его Восточныхъ источниковъ и невѣдѣніемъ Индо-Европейской старины. Нашъ Ахмедъ сообщаетъ подробности вѣрованій и, основанныхъ на нихъ, обычаевъ въ столь исконныхъ ихъ чертахъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ доселѣ нельзя нигдѣ индѣ найти провѣрки и оправданія, какъ въ сѣдой старинѣ Арійскаго племени; такъ, на примѣръ, извѣстіе, сообщенное Ахмедомъ, о томъ, что «принесши

жертву идолу, жертвующій вѣшаетъ головы овецъ и скота на то деревянное изображеніе, которое (позади меньшихъ) воздвигнуто на землѣ, и что ночью приходятъ собаки и съѣдаютъ все.» Этотъ обычай относитъ насъ къ тому же жертвенному обычаю древнихъ Индусовъ, въ языкѣ которыхъ находимъ весьма ясный его слѣдъ. Онъ видѣнъ въ сложномъ словѣ *grhab alibug'*, слѣдующимъ образомъ объясняемомъ Вильсономъ (*A dict. in scr. and engl. 1832. Calcuttae*, p. 296): «*A sparrow. A king of crane. A crow. E. gha a house or a wife; bali grain etc., used in oblations, or any edible grain, and bug' who eats; that is, who eats the food of his female, or the fragments of offerings fallen in or about the house.*»¹ Какъ черту во всей глубинѣ своей Индо-Европейскую, напомнимъ себѣ то высоко-правственное глумленіе, которое слышится въ словахъ Русса, обращенныхъ чрезъ посредство толмача къ Ахмеду, наблюдавшему обрядъ сожженія и, можетъ быть, выражавшему во время процессіи чувство отвращенія, которое не разъ проглядываетъ въ его повѣствованіи, какими либо взглядами, или движеніями неудовольствія: «Вы, Арабы, народъ глупый: вы любимѣйшаго и наиболѣе уважаемаго вами человѣка бросаете въ землю, гдѣ его жрутъ пресмыкающіяся животныя и черви. Мы же сожигаемъ его въ одно мгновеніе, и онъ немедленно входитъ въ рай.» Прекрасно оцѣнилъ Яковъ Гриммъ возвышенныя побужденія Индо-Европейскихъ народностей къ сожиганію труновъ въ слѣдующихъ словахъ: «*Es war ein heiterer, der Menschheit würdiger, Gedanke, ihre Todten der hellen und reinen Flamme, statt der trägen Erde, zu überlaszen,*» etc. (*Abhandlungen der phil.—hist. cl. der Berl. Akad. Aus dem Jahre 1849, SS. 267 — 268*).

Возьмемъ сначала извѣстія Ахмедовы въ связи съ цѣлою статьей Якутова Географическаго словаря, которому мы обязаны сохраненіемъ Ахмедова повѣствованія о Руси. Прежде нежели обратиться къ Ахмедову извѣстію, составитель словаря приводитъ мѣсто изъ не дошедшаго писателя, называя его Мукадеси, нарицательнымъ именемъ, съ которымъ являются многіе Арабскіе писатели. Критика Френа открыла въ этомъ не дошедшемъ писателѣ Шемсъ-ед-динъ абу-абдъ-уллахъ Мухамеда бен-Ахмеда Мукадеси,

¹ Cf. Meghadutam, str. 24, ed. Gildemeister, p. 7.

писателя второй половины XI в., умершаго, по свѣдѣтельству Арабскаго библіографа, Хаджи-Халфы, въ 1052 г. (444 г.).¹ Его свѣдѣтельство стоитъ во внутренней связи съ Ахмедовымъ, какъ увидимъ Мукадеси, собирая немногія черты быта Руси, припоминаетъ кое-что съ ихъ прошлымъ. Такъ, онъ упоминаетъ о завладѣніи города Бердаа, города между Куромъ и Араксомъ (Френъ, прим. 17, стр. 59), которое, не смотря на отсутствіе хронологическаго даннаго въ этой ссылкѣ Якута, опредѣляется временемъ первой половины X в. Въ началѣ онъ говоритъ: «Славяне нападаютъ на нихъ (— يعيرون عليهم), (т. е., на Русь) и отнимаютъ у нихъ ихъ имущество (ويأخذون أموالهم)». Несомнѣнно, что это данное относится не къ тому времени, когда Мукадеси путешествовалъ и писалъ свои записки. На это наводитъ и Френъ (р. LIJ). Весьма вѣроятно, что это воспоминаніе относится къ тому времени, когда Русь и Славяне еще не сплотились въ одно политическое цѣлое, и тѣмъ еще не подавали Арабскимъ путешественникамъ поводъ смѣшивать ихъ, или постоянно называть вмѣстѣ. Припомнимъ, что у древнѣйшихъ изъ нихъ, на пр., у Массуди, мы еще замѣчаемъ слѣды этого раздѣльнаго существованія двухъ народностей. Весьма вѣроятнымъ намъ кажется, что данное есть воспоминаніе старины половины IX вѣка, засвѣдѣтельствованной Несторомъ подъ 859 годомъ. Темный отголосокъ этой старины доносятъ до насъ Бертинскія лѣтописи, свѣдѣтельствующія о *immanissimis gentibus*, чрезъ страны которыхъ Русь боялась уже въ 839 г. проходить. Походъ въ Бердаа Руси, о которомъ упоминаетъ въ этомъ мѣстѣ Якута Мукадеси, есть тотъ самый походъ въ Прикаспійскія области (въ началѣ 4-го столѣтія Геджры, приблизительно послѣ 912 г.), который подробно описалъ Массуди въ извѣстїи, выше нами приведенномъ. Изъ описанія Массуди мы знаемъ, кто были эти Руссы. Сличеніе краткаго извѣстія Мукадеси съ подробнымъ Массудіевымъ окончательнo убѣждаетъ насъ въ томъ, что и борьба ихъ (Руси) съ Славянами есть борьба съ Варягами, засвѣдѣтельствованная Несторомъ. Да и немногія черты быта Руси, которыя передаетъ Мукадеси, ни какъ не могутъ относиться ко времени этого писа-

¹ Fraehn, I-F., S. XLIX—LII.

теля. Онъ говоритъ о Руси, той самой Руси, которая ходила на Бердаа, что они не сѣютъ и не занимаются скотоводствомъ (وليس لهم زرع ولا صرع). Мы узнаемъ въ этихъ чертахъ дружинное ополченіе Варяговъ, на время походовъ оставляющихъ привычки и занятія осѣдлой жизни. Наконецъ еще яркія черты быта Варяжскаго, всѣмъ хорошо извѣстныя, какъ такія, и не вызывающія насъ по тому на обширное о нихъ разглагольствованіе: во первыхъ, обычай отправлять молодыхъ сыновей на походы, для приобрѣтенія себѣ славы и богатства (schwertleite; Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, S. 462); во вторыхъ, ордалинъ (см. Френъ, SS. 2 — 3).

Изъ чертъ Русскаго быта, переданныхъ ибнъ-Фодланомъ, живѣе и подробнѣе всего остальнаго очерченъ обычай погребальнаго сожженія. О провѣркѣ свѣдѣній, имъ доставляемыхъ, другими источниками, и о приписаніи ихъ, на основаніи этой провѣрки, той или другой народности, говорить не легко. Нѣкоторые (каковъ г. Срезневскій, въ своемъ сочиненіи «О обрядахъ и святилищахъ древнихъ Славянъ») приписываютъ ихъ Славянамъ Русскимъ X-го в., безъ дальнѣйшихъ этнографическихъ справокъ и соображеній. Другіе колеблятся. Изъ послѣднихъ представителемъ, важнѣйшимъ по авторитету своему, можемъ назвать Якова Гримма. Въ своемъ выше приведенномъ академ. трактатѣ «Ueber das Leichenverbrennen» (въ трудахъ Берл. Акад., изд. 1849), онъ, перепечатывая Френовъ переводъ отрывка изъ Фодлана (р. 253—256), находитъ въ его свѣдѣтельствѣ двѣ черты, очень сходныя съ Сѣверно-Нѣмецкими вѣрованіями, но, вспомнивши, что этотъ же Фодланъ говоритъ о плотскомъ совокупленіи шести мужей съ жертвенною дѣвицею, и что онъ называетъ Руссовъ народомъ грязнымъ, нечистоплотнымъ, Гриммъ съ ужасомъ отклоняетъ всякое подозрѣніе, чтобы это могло относиться къ Нѣмцамъ, и, въ заключеніе, напоминая читателю свѣдѣтельство Нестора объ обрядахъ погребальнаго сожженія у Вятичей и Радимичей, находитъ примиряющую средину въ мысли о глубокой древности описываемаго, такой древности, въ которой исконное родство Нѣмцевъ съ Славянами можетъ объяснять всѣ случайныя, изволите видѣть, совпаденія. Объясненіе очень легко, но, нужно признаться, оно глухо отзывается на вопросы любознательности. Третьи приписываютъ ихъ Варягамъ. Между ними назову г. Академика Куника, кото-

рый, впрочемъ, не останавливаясь на наиболѣе интересныхъ подробностяхъ, стремится поскорѣе назвать рай, путь, къ которому очищаетъ себѣ жертвенная дѣва, и въ которомъ она предвидитъ присутствіе своихъ милыхъ (Ibn.-F., S. 17), Валгалой, а Господина, дарующаго вѣтеръ для возгнѣтенія пламени, — Однимъ (Ueber die Berufung, etc., SS. 453—458).

Правленіе Игоря, ко времени котораго относится извѣстіе ибнъ-Фодлана, засвѣдѣтельствовано памятникомъ его сношеній съ Византіей, договоромъ съ нею. Заключеніямъ филологическаго свойства изъ него мы дадимъ мѣсто въ филологической части сочиненія. Здѣсь же замѣтимъ клятву оружіемъ, щитомъ и золотомъ, которою сопровождалось заключеніе договора. Обычай клясться оружіемъ не могъ имѣть мѣста у Славянъ. Между древними правовыми обычаями Нѣмцевъ видимъ положеніе руки на мечъ, или, еще древнѣе, его извлеченіе изъ ноженъ (Grimm, Dd. R.-Alterthümer, SS. 166—167). Такъ, на пр., въ Фульденскихъ лѣтописяхъ: «jurabant (Dani), juxta ritum gentis suae, per arma» (Ann. Fuldd. A. 873; cf. Adamum Bremensem, I, 39). Золото Игоревою клятвы является въ видѣ монеты, какъ символъ клятвы друзей разлучающихся, дѣлящихъ ее пополамъ (Grimm. Ibidem. SS. 180—181). Эта единственная черта, касающаяся Русскаго Князя, скорѣе всего, при свѣтѣ другихъ данныхъ (именъ пословъ), ведетъ насъ къ Сѣверно-Нѣмецкому племени. Ибнъ-Фодланъ, приступая къ своему повѣствованію, предупреждаетъ, что описываемые имъ обряды относятся къ погребенію «большаго, знатнаго человѣка изъ нихъ» (т. е., изъ Руси رجل من هم جلیل). Бѣднаго человѣка они хоронятъ въ маломъ кораблѣ и сожигаютъ его. Этимъ нашъ свѣдѣтель распространяетъ обрядъ сожженія на всѣхъ. Дѣйствительно: какъ у Нѣмцевъ, такъ и у Славянъ, трудно ограничить твердымъ правиломъ обрядъ сожженія, хотя у первыхъ съ самыхъ древнихъ временъ является почти наравнѣ, какъ crematio, такъ и humatio (W. Grimm, D. Runen; прим. къ стр. 259; J. Grimm, L.-verbrennen, SS. 229 — 230; Weinhold, Heidnische Todtenbest. in D.; I, S. 24). Не знаю, что бы мы встрѣтили у нашего свѣдѣтеля, если бы онъ взялся описать обрядъ сожженія простаго человѣка. Очень можетъ быть, что не встрѣтили бы ничего, особенно характеризующаго ту, или другую; народность, такъ какъ обрядъ сожженія въ кораблѣ неоспоримо принадлежалъ древле и

Нѣмцамъ и Славянамъ. Но въ Ахмедовомъ описаніи погребальныхъ обрядовъ сожженія важнаго лица изъ Руси такъ много подробностей міеологическихъ, условливаемыхъ сложностью погребальной процессіи, что отсутствіемъ нужнаго для этнографическихъ заключеній матеріала нельзя отговориться.

Исходя отъ той мысли, что въ отдаленной древности, представляющей въ общемъ болѣе чертъ сходства, нежели то время, когда въ народѣ значительно возрасла самоопредѣляющая сила его духа, имѣютъ рѣшительное значеніе лишь тонкія подробности быта, мы обращаемся къ послѣднимъ, сообщеннымъ, къ счастью, ибнъ-Фодланомъ. Съ самаго начала является старуха (امراة عجوز), которую называютъ они ملك الموت (собственно царемъ смерти, — ملكة, — а по переводу Френа, ангеломъ смерти). Богиня смерти является въ одномъ случаѣ весьма характеристичною: при убіеніи жертвенной дѣвы. Она надѣваетъ на жертвенную дѣву канатъ, за который тянуть ее двое мушницъ, близъ стоящихъ, до тѣхъ поръ, пока она не задохнется. Одна изъ Норигъ, Гельда, «смерти вѣстница» (? ملك الموت), готовитъ страшный канатъ, которымъ она притягиваетъ къ себѣ людей, при помощи своихъ сестеръ (Mannhardt, Goetterwelt, I, S. 332). Снаряженіе жертвы и приготовленіе платевъ и постели (Ibn.-F., SS. 14 — 15), которое приписывается тому же ангелу смерти, также составляетъ весьма существенный актъ погребенія. Особенно замѣтимъ снаряженіе сапогъ (خفا), которые постоянно клались въ гробницу у Нѣмецкихъ племенъ и имѣли особенное символическое значеніе (Mannhardt, I, S. 320). Передъ актомъ прощанія совершались обряды, которые въ подробности сообщаетъ ибнъ-Фодланъ. Въ пятницу по полудни привели дѣву къ чему-то, ими (сожителями дѣвы) сдѣланному, подобному вышней сторонѣ двери (مثل ملبن الباب). Въ Нѣмецкомъ поклоненіи смерти дверь имѣетъ символическое значеніе, засвѣдѣтельствованное обиліемъ подробностей, о которыхъ см. въ Гриммовой Міеологіи, стр. 802—803. «Затѣмъ она (т. е., дѣва) поставила ноги свои на руки мужей и, возвысившись надъ этимъ (изображеніемъ) вышней двери, проговорила (что-то) на языкѣ, ей свойственномъ (بكلام لها), и спустила ее. Потомъ подняли ее въ другой разъ, и она сдѣлала подобно тому, какъ она сдѣлала въ первый разъ. Потомъ спустили ее. И подняли ее въ третій разъ. И сдѣлала она то, что сдѣлала въ два (предшествующіе) раза....

И спросилъ я толмача о дѣйствіи ея. И сказалъ онъ: сказала она въ первый разъ: «Вотъ вижу отца моего и мать мою.» И сказала во второй разъ: «Вотъ вижу родственниковъ моихъ мертвыхъ сидящими.» И сказала въ третій разъ: «Вотъ господинъ мой сидитъ въ раю. И рай прекрасенъ,—зеленый. И съ нимъ мужи и мальчики. И зоветь онъ меня. Такъ пройдите со мной къ нему.»

Возвышеніе на рукахъ мужей, ведущее къ созерцанію рая (𐌹𐌺𐌰𐌿𐌸𐌰), непосредственно родится съ мнѳологическимъ представленіемъ о золотомъ мостѣ (gjallar-brücke), ведущемъ къ раю. Совершенно сходное съ нашимъ обрядомъ дѣйствіе замѣчаемъ въ слѣдующей дѣтской игрѣ у Нѣмцевъ, сообщенной Маннгардтомъ (Götherwelt, I, S. 320—321): «Zwei Kinder, welche heimlich die Namen Sonne und Mond unter sich vertheilen, fassen sich mit beiden Händen an, die sie in die Höhe heben, und bilden so die goldene Brücke oder das goldene Thor. Die übrigen Kinder bilden eine lange hintereinander stehende Reihe. So stellen sie eine Reiterschaar vor, welche durch die goldene Brücke zu ziehen wünscht. Sie erhalten Durchzug, doch der letzte wird gefangen, indem Sonne und Mond ihre Arme über ihn herabsenken. Er muss nun wählen, ob er zu Sonne oder Mond kommen will. Dann wiederholt sich das Spiel, und es kommt darauf an, welche Partei zuletzt die Gröste wird.»⁴ Сѣверно-Нѣмецкая мнѳологія особенно много послужила развитію мнѳологическаго представленія моста. Все описаніе Ахмедова кончается слѣдующими словами: «И задула страшная буря, усилившая пламя» и пр. Выборъ бурнаго времени для сожженія трупа оправдывается явленіями Нѣмецкой же Мнѳологіи. Такъ передаютъ древнія мнѳологическія представленія отходъ души (въ Грим. Мнѳ., S. 792): «Mit Müde rudert er hinüber, die Ladung steigt aus und das Fahrzeug wird von jähem Sturm zurückgeworfen an die stelle der Abfahrt, wo schon wieder neue reisende harren.» И при томъ вспомнимъ, въ какія тѣсныя и многостороннія связи поставляетъ Нѣмецкая Мнѳологія смерть съ бурнымъ шествіемъ Одина.

б) источникъ русскій, проверенный, съ одной стороны византийскимъ, съ другой сѣвернымъ.

Въ какомъ отношеніи Несторъ находился въ свое время (XI—XII в.) къ обоимъ членамъ народнаго имени Варягъ-Руси? Вторымъ чле-

⁴ Вообще о мостѣ см. Гриммову Мнѳологію, стр. 794—795.

помѣ онъ называетъ уже Славянѣ, и по преимуществу Полянѣ, къ племени которыхъ принадлежалъ и самъ. Ясно же всего это въ самомъ зачатѣ его Временника: «Се повѣсти времяныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Кневѣ нача первѣе княжити» и пр. Подъ Русской землей разумѣется здѣсь страна съ основнымъ населеніемъ Славянскимъ, имѣющимъ въ Несторовомъ созерцаніи своимъ средоточіемъ Кіевъ, городъ, о построеніи котораго Славянскимъ племенемъ сообщаетъ сказаніе Песторъ же. Изъ этого ясно, что вполне объективнаго отношенія къ этнографическому значенію этого народнаго имени Несторъ имѣть не могъ, и, при томъ, оставя кругъ этнографическихъ представленій, непосредственно присущихъ его живой современности, онъ имѣлъ въ запасѣ своихъ лѣтописныхъ свѣдѣній преданія, которыя могли еще болѣе въ немъ поддержать эту исключительность отношенія имени Руси частнымъ, особеннымъ образомъ къ Южной Руси, къ Кіеву: Олегъ назвалъ Кіевъ матерью градомъ Русскимъ. Съ этимъ преданіемъ въ несомнѣнной связи состоитъ то, чрезвычайной важности, обстоятельство, что, при первомъ же хронологическомъ счисленіи (изд. Тимк., стр. 11), подавшемъ ему поводъ къ счисленію лѣтъ Русскихъ Князей, онъ, принявшій въ основу Византійскія данныя Михаилова царствованія, отъ перваго Михаилова даннаго переходитъ непосредственно къ Олегову и называетъ при этомъ Олега Русскимъ Княземъ, а, переходя частнымъ образомъ къ Русскому счисленію, съ начальнаго даннаго Олегова княженія къ такому же Игорева княженія, о первомъ прибавляетъ: «ниже сѣде въ Кневѣ.» Этими подробностями за Несторовымъ Временникомъ утверждается характеръ мѣстный, областной. Но въ слѣдъ за этой областной лѣтописью идутъ извѣстія, которыя выводятъ изъ исключительной области Южно-Русскихъ событій и представляютъ матеріалъ для этнографическихъ заключеній объективнаго свойства. Возстановляя хронологическое счисленіе по отношенію къ Сѣверной, Новгородской области, Несторъ сообщаетъ данныя 859 (6367) и 861 (6369) гг. Перейдя въ область Новгородскую, Несторъ имѣлъ достаточно свѣдѣній и способности отвѣститься отъ областной исключительности, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, войти въ кругъ этнографическихъ представленій Сѣвера, Новгорода. Заключаемъ это изъ того, что опредѣленіе Руси именемъ Варяговъ и твердое, ясное различеніе племенныхъ отбѣнковъ

Варяговъ объясняется лишь Географическою близостью Новгорода къ нимъ и частыми сообщеніями, засвѣдѣствованными извѣстными показаніями Русской лѣтописи и Сѣверныхъ сагъ. Самое древнее отечественное свѣдѣтельство, которое даетъ намъ средство провѣрить показаніе Нестора, принадлежитъ Новгородской лѣтописи, въ которой, подъ 1188 г. (6696), Варяги опредѣляются, какъ «на Гѣтѣхъ Нѣмыцѣ», ¹ «на Гѣтѣхъ», приведенныхъ Несторомъ въ числѣ пяти ему извѣстныхъ Варяжскихъ племенъ. Есть обиліе «возможныхъ» источниковъ такого рода извѣстій у Нестора; но изъ дѣйствительныхъ, имъ самимъ приводимыхъ, укажемъ «Гюряту Новгородца.» Совершенно независимо отъ областныхъ интересовъ, Несторъ называетъ Новгородскую область Русью, прибавляя: «ти суть людье Пооугородьци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни» (изд. Тимковского, стр. 12; Погодинъ, II, стр. 23—24, 39). Этимъ придается еще болѣе объективное значеніе Несторову свѣдѣтельству. Но случаи употребленія имени «Варязи» слишкомъ многочисленны и раздѣлены слишкомъ большими промежутками времени, чтобы мы, остановившись на этомъ одномъ, правда, весьма важномъ, стали бы изъ него выводить заключенія, не провѣривши его остальными. Пока замѣтимъ только то важное обстоятельство, что Несторъ ставитъ «Русь» къ «Своимъ» въ отношеніи соподчиненія къ общему имъ имени «Варязи», что всегда было и будетъ сильнымъ возраженіемъ тѣмъ многочисленнымъ ученымъ, которые думаютъ доказать Шведское происхожденіе Руси чрезвычайно бездоказательнымъ, какъ въ филологическомъ, такъ и въ историческомъ, отношеніи, сопоставленіемъ съ Финскимъ именемъ Шведовъ Ruotsi. Если мы обратимся къ Кіевскимъ извѣстіямъ Нестора, то замѣтимъ слѣдующее: во всѣхъ случаяхъ употребленія этихъ двухъ именъ, они являются отдѣльно, въ значеніяхъ, другъ отъ друга независимыхъ, что придаетъ его опредѣленію Руси, какъ Варяговъ въ Новгородскихъ извѣстіяхъ, вполне теоретическій характеръ. Подъ Кіевскими древнѣйшими данными мы разумѣемъ все, что касается княженій Олега и Игоря, согласно субъективному воззрѣнію Нестора. Въ текстахъ договоровъ употребляется вездѣ

¹ И. С. Р. Л., т. III, стр. 20: «Въ тоже лѣто (6696) рубоша Новгородьцѣ Варязи, на Гѣтѣхъ Нѣмыцѣ.» Ср. Погодина, стр. 34 и прим. 76.

одно имя Русь, но такъ, что контекстъ заставляетъ отдѣлять ихъ занятою. Подъ контекстомъ здѣсь мы разумѣемъ другіе случаи употребленія народнаго имени «Русь» въ этихъ договорахъ и вообще въ древнѣйшихъ Кіевскихъ извѣстіяхъ. Вотъ случаи употребленія имени Варягъ въ этихъ извѣстіяхъ. Въ описаніи похода Олега на Полянъ, по описаніи завладѣнія Кіевомъ (изд. Тимк., стр. 14): «бѣша оу него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью.» Интерпункція Тимковского вѣрна, единственно возможная, и смыслъ этого мѣста ясенъ. Подъ «прочи» должно разумѣть вновь покоренныя племена, что объясняется другими мѣстами, на пр., «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (изд. Тимк., стр. 16). «Данъ даяти устави отъ Новагорода гривень 300 на лѣто мира дѣля: по справедливому толкованію г. Погодина, относится къ тѣмъ Сѣвернымъ шайкамъ, которыя могли вновь безпокоить Новгородскія границы. При исчисленіи племенъ, слѣдующихъ за Олегомъ въ его Византійскомъ походѣ, Варяги упомянуты въ началѣ безъ присовокупленія «Руси» наряду съ Финскими и Славянскими племенами. При первомъ Игоревомъ походѣ говорится: «иде Игорь на Греки; и послаша Болгаре вѣсть ко Царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдши 10 тысящъ.» Г. Погодинъ (т. II, стр. 25, прим. 50), на неизвѣстныхъ основаніяхъ, предпочитаетъ въ этомъ мѣстѣ чтеніе Софійскаго Временника, прибавляющаго въ этомъ мѣстѣ: «глаголемы отъ рода Варяжска сущимъ,» и по странному недосмотру, онъ замѣчаетъ, ссылаясь на Строевское изданіе Софійскаго Временника, замѣну слова «скѣдши» словомъ «люди», ничего не упоминая о прибавкѣ вышеприведеннаго объясненія. Но, во первыхъ, согласно правильному чтенію двухъ рукописей (Карамзинской и Оболенскаго), читается «люди», что представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ переводъ слова «скѣдши.» Эта послѣдняя замѣна и объясненіе происхожденія Руси въ томъ мѣстѣ, въ которомъ Несторъ его не представляетъ, совершенно приличны глоссаторскому направленію Софійскаго Временника, о которомъ скажемъ, говоря объ именахъ договоровъ, и переводъ слова «скѣдши» словомъ «люди» ближайшимъ образомъ объясняетъ приведенную глоссу къ слову «Русь», какъ прибавленную позднѣйшимъ составителемъ Софійскаго Временника, перенесшимъ это объясненіе изъ другаго мѣста Несторова Временника. Что подъ «Варягами» разумѣется въ этихъ древнѣйшихъ Кіевскихъ свѣдѣтельствахъ не

ближайшая дружина Князей, пришедшихъ съ Рюрикѣмъ (по Нестору), ясно изъ слѣдующаго мѣста: «Игорь же пришедъ, нача совокупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки, наки хотѣ поити на ня.» Въ одномъ изъ этихъ свѣдѣтельствъ Варяги древнихъ Кіевскихъ извѣстій поставляются въ связь съ Варягами Ярославовыми. Говоря о дани Варягамъ, установленной Олегомъ, Несторъ прибавляетъ: «еже до смерти Ярославѣ дающе Варягомъ.» Очевидно изъ этого, что Варяги древнихъ Кіевскихъ извѣстій, состоя съ Ярославовыми въ одинаковыхъ условіяхъ на Руси, были постоянно притекавшіе пришельцы. Но кто были эти Ярославовы Варяги? На это могутъ намъ отвѣтить Сѣверныя саги: саги обоихъ Олафовъ и Эймунова. Родственные отношенія Ярослава къ Олафу, сыну Гаральда, условливаютъ собою и остальные отношенія его къ Сѣверу. Ингигерда называетъ наемныя дружины, предводимыя Эймуномъ и Рагнаромъ, своими «*fóstráðdr*» (*Eymundar saga*, cap. XI et passim). Еще яснѣе въ началѣ саги (cap. II) объясняется происхожденіе дружинъ въ слѣдующихъ словахъ: «*voru þar margir their menn, er sèr vildu fjár afla, en attu at reka harma sina í Noregi.*» Что они пришли именно изъ Норвегіи, ясно также изъ того, что, предложивши съ своей стороны прибывшимъ дружинамъ миръ (*fríðhland*), Ярославъ (*konúngi*) и Ингигерда (*drottning*) спрашивали о дѣлахъ Норвежскихъ и Олафъ («*spyrja tíðhinda or Noregi frá Olafi Konúngi Haraldssyni.*» *Saga*, c. 3.). Но эта близость отношеній несколько не мѣшала опредѣленности отношеній наемниковъ къ принимающему. Эймунова сага всѣмъ своимъ содержаніемъ, всѣми подробностями, свѣдѣтельствуешь (с. 3) о томъ, что дружины готовы были перейти во враждебный станъ при первомъ неудовольствіи, и въ послѣдствіи не только перешли, но и плѣнили Ингигерду (с. 11), стоя за интересы Vartislafs. Варяги называютъ себя постоянно иностранными войсками (*utlendir*), и Эймундъ противопоставляетъ свои дружины въ разговорахъ съ Ярославомъ «вашимъ дружинамъ» («*ydrir.*» *Eym.-S.* passim). Еще яснѣе подтверждаетъ эти отношенія сага Олафа Гаральдова сына. Она повѣствуетъ, что Олафъ, разстроивши свои Норвежскія отношенія, отправился къ своему зятю, Ярославу. У него онъ долго жилъ. Но его не покидала мысль о родномъ царствѣ. Между тѣмъ Ярославъ предложилъ ему область, которая страннымъ образомъ называется *Vulgaría*,

описываемая въ сагѣ слѣдующимъ образомъ: «*oc er that eirn lutur af Gardhariki oc var that folk heithit í thvi lande*» (Heims-Kringla, ed. Peringskjöld, p. 745. Ol.-S., cap. CXCVIII). Но Олафъ не принималъ ничего. Настроenie его духа выражено сновидѣніемъ въ особой главѣ, носящей заглавіе «*Draumur Olafs Kongs.*» Олафъ изображенъ въ ней погруженнымъ въ мысли объ отчизнѣ, сосредоточеннымъ на нихъ и возбужденнымъ до ясновидѣнія. Является ему чело́вѣкъ въ царскомъ одѣяніи, «*at thar mundi vera kominn Olafur Kongur Tryggvasson*», и упрекаетъ его за то, что онъ слагаетъ съ себя царское достоинство, данное ему отъ Бога, и за то, что принимаетъ область отъ царей иноземныхъ и незнакомыхъ (Heims-Kringla, ed. Peringskjöld, p. 746: «*Thiggia riki af utlendum kongum oc thier ukunnugum*»). Близость отношеній Олафа къ Ярославу ограничивается свойствомъ: является тѣнь предка, напоминающая ему недавность этой связи. Эта обратная перспектива въ прошедшее заставляетъ отказаться отъ желанія извлечь изъ приводимой саги что ни будь о прошедшихъ связяхъ Славянскаго Сѣвера съ Сѣверомъ Скандинавскимъ. Въ общемъ своемъ ясныя, главы «*fra Olaf konge*» и «*draumur Olafs Kongs*» представляютъ одно данное крайне странное: говорю о предположеніи оудѣленіи Олафу Святому области Гардарика съ языческимъ населеніемъ, названнѣй въ сагѣ «*Vulgaria.*»¹ Ясно, что прямого и рѣшительнаго объясненія эта подробность получить не можетъ. Трудно даже прямо указать на тотъ источникъ, посредствомъ котораго это имъ сдѣлалось извѣстнымъ на Скандинавскомъ Сѣверѣ. Единственную возможность предположительнаго объясненія представляютъ намъ дѣянія Святослава. Его дѣятельность въ Болгаріи имѣла громкую извѣстность. Много на ней останавливается Несторъ, а еще болѣе Византіицы,—Левъ Діаконъ и Георгій Кедринъ. Итъ ничего особенно труднаго въ томъ предположеніи, что Святославовы дружинники, которые также отчасти были постоянно притекавшими пришельцами, какъ и Олеговы и Игоревы Варяги, свидѣвшись съ своими Сѣверными родичами, произносили восторженныя пѣсни своему свободолюбивому конунгу, а эти восторженныя представленія, далекія отъ географической и этнографической точности, могли

¹ Это, можетъ быть, Волжская Булгарія, сосѣдка Гардарикѣ, съ языческимъ населеніемъ. О. Б.

породить смутный взглядъ на эту удаленнѣйшую часть «Austarriki,» который съ поколѣніями неправильнѣе и неправильнѣе преломлялся, пока не дошелъ до той полной неясности, въ которой встрѣчаемъ это данное преданія въ приводимой главѣ. Притомъ замѣтимъ, что и въ Несторѣ можно наслѣдить отрывокъ Скандинавской пѣсни о Святославѣ въ преданіи объ его смерти, занесенномъ во Временникъ. Обычай дѣлать изъ череповъ чаши для пировъ проникнуть Индо-Европейскимъ стремленіемъ освящать тѣбныя остатки тѣла храненіемъ и почитаніемъ ихъ. Преданіе приписываетъ этотъ актъ храненія Печенѣжскому Князю, по имени Куря. Ошибочно будетъ видѣть въ этомъ признакъ грубости Печенѣжскихъ нравовъ. Напротивъ, это есть перенесеніе кореннаго обычая Индо-Европейскихъ племенъ, имѣющаго въ себѣ весьма свѣтлую сторону. Преданіе приписываетъ этотъ актъ почитанія врагу Святославу, имѣя первоначальное побужденіе освятить память витязя даже въ глазахъ враговъ. Этотъ обрядъ имѣетъ особенное отношеніе къ Скандинавской старинѣ, которая засвѣдѣтельствовала этотъ свой обычай въ слѣдующихъ стихахъ одного изъ прекрасныхъ своихъ произведеній (Völundarquida у Пфейффера въ «Altnord. Lesebuch», S. 74, строфы 3 и 4.):

En thaer skálar	en or augum
er und skörum vâru	jarknasteina
sveip hann útan silfri	sendi hann kunnigri
seldi Nidhahdhi;	konu Nidhadhar.

Еще болѣе важная подробность: слово skál имѣетъ слѣдующія значенія: «schale, hirnschale; becher, pokal (Pfeiffer, Ibidem, S. 306).

Изъ приведеннаго сопоставленія Несторовыхъ данныхъ, касающихся связи Ярослава съ Скандинавскимъ Сѣверомъ, съ сагами, мы ясно видимъ, что болѣе всего подъ Несторовыми Варягами, начиная отъ Олега до Ярослава, нужно разумѣть тѣ племена, которыхъ Несторъ, въ своемъ обыкновенномъ опредѣленіи имени «Варягъ», называетъ Своими и Урмянами. Прежде нежели повести нить нашего размышленія далѣе, мы позволимъ себѣ нѣкоторое замедленіе.

Путемъ прямыхъ свѣдѣтельствъ, извлекаемыхъ изъ источниковъ Сѣверныхъ, не возможно доказать прастараго сообщенія

Скандинавскаго Сѣвера съ Славянскимъ. Ихъ можно себѣ представить въ далекой перспективѣ исторической и довести до разграничя языческаго міра съ Христіанскимъ: прастарыя Скандинавскія сказанія о прибытіи Одина на Сѣверъ подали поводъ блестящему изображенію этой исторической перспективы незабвенному въ Славянской наукѣ Шафарику, и страницы эти, какъ и все, написанное его перомъ, останутся вѣчными (Slow. Starož., str. 113—125, 353—357). Но въ нашемъ вопросѣ нужны положительныя, скрѣпленныя хронологическими данными, свѣдѣтельства. И съ этой стороны мы не можемъ говорить иначе, какъ устами Шафарика:..... «(ale) zpráwy tyto (skandinawské powěsti) bud'to hmatawě gsau bágečné, plaché nerůdy bezuzdné obraznosti spěwcůw normanských, bud'to tak pomatené a všeho chronologického základu zbawené, že s nimi we kritickém děgypisu ničeho počjti nelze» (str. 496). Но съ совершеннѣйшею непрерываемою приведеннаго мнѣнія Шафарика я нахожу несовмѣстною его склонность видѣть («twrditi nesmjn, mám však to za velmi podobné», str. 536) въ Суслахъ Никоновской лѣтописи тѣхъ обитателей Эстляндіи, на которыхъ напалъ Ингваръ, похороненный въ той же области въ Adalsysla (S. S., str. 536 и розп. 109). Саги представляютъ дважды это имя въ Сѣверной Исторіи. Сага Стурлауга называетъ Ингваря, владѣтеля Алдейгаборга, подъ которымъ Сѣверные источники разумѣютъ Ладору (Sjögren въ Mém. de l'Acad. de S.-Petersburg, t. II, 1834 г.). Это сказаніе носитъ въ себѣ язву лжи, выдумки: вся сага скроена изъ нечѣпостей (Sjögren, Ibidem.). Кромѣ того въ «Ynglinga saga», встрѣчаемъ Короля Ингваря (относимаго къ VI вѣку?), о которомъ, между прочимъ, она сообщаетъ (H.-Kr., ed. Pergskiöld, p. 41): «Yngvar kongur gerthi frith vith Dani, tok tha at herja um Austur vego».... (p. 42)..... «fell tha Yngvar Kongur, enn lith hanns flythi; hann er heygthur thar vith sia sialfann that er a Athalsyslo» etc.... Въ какомъ отношеніи находятся этѣ двѣ личности, имѣющія между собою общую ту существенную черту обоихъ сказаній, что дѣятельность ихъ относится къ «Austrvegr»? Кто рѣшитъ это при темнотѣ Сѣверныхъ свѣдѣтельствъ, относящихся къ VI в.? И можно ли приписать достовѣрное какой либо изъ этѣхъ личностей, не имѣя никакой рѣшительно хронологической опоры въ томъ самомъ памятникѣ, откуда заимствовано данное? Еще

менѣе можно заключить что ни будъ изъ подобозвучія второго члена сложнаго имени «Adalsysla». Syssla—слово Скандинавское, употребляющееся не въ одномъ значеніи «districtus». Syssla, въ томъ же образованіи и въ томъ же родѣ, означаетъ f. negotium, глаголь syssla (at), negotiari, impetrari; имя существительное sysslan, occupatio, negotium (Biorn. II, p. 264), сложное имя umsyssla f. означаетъ procuratio (Bion. I, p. 454). Согласно съ этими данными языка, «Syssla» есть образованіе, совершенно подобное Латинскому слову provincia въ обоихъ его значеніяхъ.

Возстановимъ изложеніе.

Если тѣ Варяги, съ которыми мы доселѣ знакомились, составляли въ древней Руси такой измѣчивый, непостоянный слой населенія Руси, то гдѣ же тѣ исконные Варяги, которыхъ племя Песторъ опредѣляетъ именемъ Русь, наименовавшимъ собою область Сѣверо-Восточныхъ Славянъ? При пересмотрѣ свѣдѣтельств Русскихъ о Варягахъ мы замѣчаемъ, что кромѣ, вышеприведенныхъ, есть и такія, которыя заставляютъ дѣлать заключеніе о болѣе постоянномъ, исконномъ Варяжскомъ населеніи, оставившемъ по себѣ преданіе. Но и эти преданія, какъ такія, не имѣютъ никакой хронологической опоры. Я разумѣю преданія Кіево-Печерской Лавры. Какъ ясно изъ договора Игорева, въ его дружинѣ были Христіане и, какъ видно, усердные исповѣдники Христіанскихъ истинъ, ибо имѣли Церковь, а при внуцѣ Игоревомъ запечатлѣли свое исповѣданіе мученичествомъ. При этомъ невольно припоминается свѣдѣтельство Свейна у Адама Бременскаго, говорящаго, что многіе изъ его соплеменниковъ пріяли вѣнецъ мученическій, исповѣдуя вѣру Христову. Освѣщая глубокой стариной, Патерикъ Печерскій (изд. 1704 г., л. 210) говоритъ о Печерскомъ кладѣ, хранящемъ Латинскіе сосуды. Слѣды этихъ древнихъ отношеній, оброненные въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ свѣдѣтельствахъ, прекрасно выразились въ относительно-позднее время въ сказаніи о построеніи Печерской Церкви участіемъ Шимона, сына Африканова ¹ (изд. 1704 г., л. 104 и слѣд., 107 об., 119 об.), когда уже отъ тѣхъ древнихъ дѣяній остались одни глухіе отголоски.

¹ Собственные имена лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ сказаніи, разберемъ во второй главѣ филологической части.

Въ исторической преемственности и генеалогическомъ преемствѣ Княжеской власти это преданіе изъ Кіево-Печерской обители перешло въ Ростовъ и Суздаль (л. 112). Кромѣ того, что древнее преданіе о кладѣ Кіево-Печерской Лавры не только не отмѣчено хронологическимъ даннѣмъ но и не даетъ средствъ приблизительнаго ея опредѣленія, оно исходитъ изъ той эпохи, когда имя Варягъ приняло весьма условное значеніе Нѣмецкаго, Латинскаго, и по тому, представляя любопытнѣйшій предметъ археологін, въ этнографическомъ отношеніи совершенно нѣмо.

У Византіійцевъ мы встрѣчаемъ Варяговъ въ назначеніи совершенно условномъ и, при томъ, совершенно независимомъ отъ Русскаго. Видно изъ всего, что Греки были издавна въ сношеніяхъ съ Варягами, и этими давними сношеніями установилось ихъ названіе у Византіійцевъ, помимо всякаго вліянія со стороны Славянскаго Сѣверо-Востока. Мы имѣемъ даже средство указать на то, что Византіійцы не называютъ Варягами тѣхъ людей Сѣверныхъ, которыхъ нашъ лѣтописецъ привыкъ такъ называть. У Нестора встрѣчаемъ не разъ Владиміра въ союзѣ съ Варягами до принятія имъ Христіанства. Весьма вѣроятно, что и послѣ него продолжались эти сношенія, но лѣтописецъ нашъ, не тѣмъ занятый, болѣе уже ничего не сообщаетъ. Владиміръ «въ SVIII приде съ Варяги Нооугороду» (Тимк. изд., стр. 44). Подъ тѣмъ же годомъ читаемъ (стр. 47): «Посемь рѣша Варязи Володимеру: се градъ нашъ, и мы прияхомъ е, да хочемъ имати окунь на нихъ, но 2 гривнѣ отъ челоуѣка. И рече имъ Володимеръ: пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць. Ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки. ¹ Онъ же рече имъ: идѣте. И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице: Царю, се идутъ къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то ство-

¹ Тѣми же словами говорятъ Варяги Ярославъ въ подобномъ же случаѣ (Eym. Sg. Cap. IV.): «Nú bjóthumst vér til at gerast varnarmenn rikis thissa, ok gánga hér á malo, ok toka af ydhr gull ok silfr ok góð kledhi; en ef ydhr sunist eigi thetta radh meðh skjótu atkvaedhi, thá tokum vér thenna sama hlut meðh oethrum konúngi, ef thér visidh oss fra.»

рять ти зло, яко и сде, но расточи я разнѣ, а сѣмо не пуцаѣи ни единого.» У Кедрина читаемъ (Ed. Bonn., p. 551):... ὁ τότε κατάρ-
 λων τοῦ γένους τούτων (i. e. Σκυθῶν) Βλαδιμηρός, ἀνὴρ ὀρμητίας καὶ
 τὰ πολλὰ τῷ θυμῷ χαρίζομενος, πυθόμενος τὸ συμβᾶν καὶ δεινοπαθή-
 σας καὶ μὴ δοῦς ἀναβολὴν ἢ καιρὸν τῷ κινήματι, τῶν ὑπ' αὐτὸν ἀγεί-
 ρας ὅσον μάχιμον, προσεταιρισάμενος δὲ καὶ συμμαχικὸν οὐκ ὀλίγον
 ἀπὸ τῶν κατοικούντων ἐν ταῖς προσάρκτιοις τοῦ Ὀκεανοῦ νήσοις ἐθ-
 νῶν..... κατὰ τῆς πόλεως ἐξορμᾷ.

И изъ Несторова свѣдѣтельства видно, что Греки должны были
 знать тѣхъ людей Сѣверныхъ, которыхъ Русскій лѣтописецъ назы-
 ваетъ Варягами, сношенія съ которыми во времена Владиміра за-
 свѣдѣтельствованы сагою Олафа, Триггвіева сына; но они не на-
 зываютъ ихъ Вáрхγγοι. Еще болѣе примѣровъ тотъ же Кедринъ
 представляетъ для Святославова времени. Эти «жители сѣверныхъ
 острововъ» не названы Варягами у Кедрина отъ того, что всякій
 Грекъ слишкомъ привыкъ къ условному, Византійскому предста-
 вленію о нихъ, какъ о придворной «έταιρία». Старѣйшіе Византійцы,
 упоминающіе часто о Варягахъ (въ формѣ Вáрхγγοι) не древни. Они
 относятся ко второй половинѣ XI-го вѣка: Георгіи Кедринъ и, его
 непосредственный продолжатель, Скилица Куропалатъ. У послѣд-
 няго мы находимъ ихъ въ назначеніи, весьма близкомъ къ тому,
 въ которомъ они являются и въ нашей старинѣ, въ нѣкоторыхъ
 случаяхъ, — именно, при убіеніи Ярополка, котораго два Варяга
 «подъяста мечьми подъ пазусъ» (Несторъ, изд. Тимк., стр. 47), при
 убіеніи Бориса и Глѣба. О первомъ весьма ясно говорится: «И се
 оувидѣвъ, Святополкъ посла два Варяга. И прободоша ѣ мечемъ въ
 сердце» (изд. Срезн., стр. 78 — 79 и кинов. подпись подъ изобра-
 женіемъ). Убійцы Глѣба, которыхъ Глѣбъ въ предсмертной своей
 молитвѣ называетъ «дружиной» (стр. 91), также, вѣроятно, были Ва-
 ряги, соображаясь съ слѣдующимъ мѣстомъ житія: «Придоша бо
 единою Варязи близъ мѣста, идеже лежаста подъ землею погребена;
 и яко единъ вѣступи, въ томъ часѣ огонь, ишедъ отъ гроба, зажеже
 нозѣ его. Искочь, нача повѣдати и нозѣ показа дружинѣ опаленѣ
 ижеиѣ» (изд. Срезн., стр. 114 и 115 и кинов. надпись подъ изобра-
 женіемъ). Въ томъ же назначеніи, являются Вáрхγγοι участниками
 въ династическихъ и придворныхъ которахъ Византіи. Такъ, Ски-
 лица Куропалатъ, излагая измѣненія, произведенныя Комниномъ
 въ гражданскомъ и церковномъ управленіи, послѣ разсказа о

лишеніи духовныхъ ихъ имѣній въ пользу общества («τῷ δημοσίῳ τὸ περισσὸν προσαφώρισε»), изображая надменность Патріарха и намѣреніе Царя убить его, говорить (pp. 643 — 644):.... «ἔξεισι μὲν ὁ πατριάρχης εἰς τὸ πρὸ τῆς πόλεως, φιλοτίμων τὰ τῆς ἐορτῆς ἐκτελέσαι σπουδάζων. ὁ δὲ βασιλεὺς..... στίφος στρατιωτικὸν ἀποστείλας (Βαράγγους αὐτοὺς ἢ κοινῇ ὀνομάζει διάλεκτος» etc.) Тотъ же характеръ ихъ участія въ которахъ и замыслахъ Бриеннія («τοῦ γὰρ Βριεννίου ἀποστατήσαντος καὶ τῶν ἐκτὸς Βαράγγων ὁμοφρονησάντων». Ed. Bonn., p. 737). Царь, въ свою очередь, имѣлъ противъ крамольника Варяговъ («οἱ ἐν τῷ παλατίῳ Βαράγγοι ἓνα τινὰ ἐαυτῶν ἐπιλεξάμενοι πρὸς τοὺς ὁμοεθνεῖς ἀποστέλουσιν, ἀξιοῦντες ἀφεῖναι μὲν τὸν ἀποστάτην φρονῆσαι δὲ τὰ βασιλέως» etc. Ibidem.). Обѣ партіи метять другъ другу убійствами (.... «ἀναιρεῖται τὸν Ἰωάννην ἐξιόντα τοῦ παλατίου, μαχαίραις ἐθνικαῖς κατακόψας αὐτόν..... ἀντιπαζαμένων δὲ τούτοις τῶν τοῦ βασιλέως εἰς ἰκετείας ἐτρέποντο, καὶ τὸν βασιλέα ἐξιλιωσάμενοι συγγνώμης ἔτυχον. p. 737 — 738). Позднѣйшія извѣстія о Варягахъ, изъ которыхъ, по нѣкоторымъ, они оказываются съ острова Туле (Анна Комнина), по другимъ Англами (у Кишиама, Пикиты Хоніята, Кодина), по третьимъ Кельтами (у Пахимера), болѣе всего свѣдѣтельствуютъ, либо объ искусственности (островъ Туле), либо о смутности географическихъ представленій этихъ позднѣйшихъ Византійцевъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи приведенныхъ авторитетовъ, невозможно отнести происхожденіе ихъ къ странѣ Англовъ, какъ это дѣлали прежде. Гретсеръ (apud Goarum, adnotantem ad Scylitzem, p. 834), отождествляя Βαράγγοι съ Φράγγοι, посредствомъ этого, старается поддержать авторитетъ Кодина и другихъ. Но, прежде всего, это отождествленіе не имѣетъ никакого основанія, ибо у Скилицы, котораго авторитетъ гораздо важнѣе, какъ по относительной его древности предъ Кодиномъ, такъ и по достовѣрности имъ сообщаемого,¹ мы встрѣчаемъ Варяговъ и Франковъ, названными рядомъ безо всякой тѣни сличенія ихъ (Ed. Bonn., p. 668: «ὁ δὲ βασιλεὺς στρατὸν ἐπαγό-

¹ Возможно ли довѣрять уху Византійца въ различеніи звуковъ Нѣмецкихъ нарѣчій (Кодиново «γυλιότι»)? Одно «τὸ γότθικον» должно было поселить недоувѣріе къ ихъ передачамъ: оно доселѣ нѣмо для науки. Если Константинъ Багрянородный передаетъ относительно вѣрно имена пороговъ, то только по тому, что точно записалъ ихъ съ передачи Славяннина.

μενος..... ἐκ τε Μακεδόνων καὶ Βουλγάρων..... πρὸς δὲ καὶ Φράγγων καὶ Βαράγγων»). Изъ ученыхъ, болѣе близкихъ къ современности, связи «Βάραγγοι» съ «Φράγγοι» держался, извѣстный своими трудами въ области литературъ Шмецкихъ и Романскихъ нарѣчій, Моне. Свое воззрѣнiе высказать онъ въ издававшемся имъ повременномъ изданiи «Anzeige fuer die Kunde der Teutschen Vorzeit,» въ статьѣ «Ueber die Franken». Не касаясь остальнаго содержанiя, остановимся на близкомъ къ намъ мѣстѣ. Умалчивая о всемъ, чисто мечтательномъ, остановимся на разборѣ слѣдующаго мѣста Константинова продолжателя и, повторившаго его, Симеона Логовета: «οἱ Ῥῶς, οἱ καὶ Δροῦῖται (Drewier ? спрашиваетъ Моне) λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες.» Приводя это мѣсто, Моне говоритъ: «was nichts anders heissen kann, als die Russen sind Wäinger, und die Wäinger Franken.» Anzeige, 1835, p. 6). Подъ Δροῦῖται ¹ Древлѣи разумѣть рѣшительно нельзя, ибо продолжатель Константиновъ не могъ ихъ такимъ образомъ назвать, когда Константинъ ясно называетъ ихъ «Δερβλενίνοι» («De adm. imp. Ed. Bonn., p. 166) наряду съ «Λευζενίνοι». Отождествленiе Франковъ этого мѣста съ Варягами не имѣетъ никакого основанiя и можетъ быть оправдано лишь малою начитанностью автора въ Византийцахъ. Кромѣ вышеприведеннаго свѣдѣтельства Скилицы, который отдѣльно приводитъ Варяговъ и Франковъ, противъ этого мнѣнiя говоритъ древнѣйшее свѣдѣтельство (899 г.) церемонiиместера Филовея, который ясно приводитъ независимо другъ отъ друга «Φαρράνοι, Χάτζαροι», «Ἀγερήνοι», «Φράγγοι». Φαρράνοι есть весьма возможное искаженiе имени «Βάραγγοι», объясняемое тѣмъ, что наименованiе это изшло изъ «κοινή διαλέκτος», по свѣдѣтельству Скилицы. Весьма вѣроятно, что въ Византiи оно было извѣстно въ общежитiи гораздо прежде, нежели оно занесено въ Константиновъ и Филовеевъ сборники дипломатической казуистики, формулъ и церемонiй, въ которыхъ впервые встрѣчаемъ это имя. Хотя прямыхъ свѣдѣтельствъ на это мы нигдѣ не можемъ указать, но замѣтимъ, что не только у Константина его «Φαρράνοι» приводятся въ числѣ «τῶν ἐθνικῶν» наряду съ «Χάτζαροι» въ числѣ четырехъ «ἐταχεῖαι», но и у Скилицы

¹ Удовлетворительнѣйшее объясненiе этого имени представилъ Кругъ въ 1-мъ томѣ своихъ «Forschungen,» хотя заключенiй изъ этого объясненiя раздѣлять съ нимъ не считаемъ возможнымъ.

въ выше приведенномъ мѣстѣ говорится объ убіеніи Іоанна «μαχαίρης ἐθελήξας» Варяговъ. Это представленіе о Варягахъ, какъ объ язычникахъ, могло образоваться не раньше IX-го вѣка, ибо изъ X-го вѣка мы имѣемъ уже прямые свѣдѣтельства въ нашей Несторовой лѣтописи о Варягахъ мученикахъ, пришедшихъ изъ Греціи, въ Печерскомъ Патерикѣ—о прастаромъ кладѣ Варяжскомъ, состоящемъ изъ церковныхъ сосудовъ и пр. Во всякомъ случаѣ, «Βάραγγροι» и «Φράγγροι» являются во всѣхъ доступныхъ знанію мѣстахъ совершенно отдѣльно, независимо другъ отъ друга. Слѣдовательно, посылка Моне о тождествѣ Франковъ съ Варягами, ведущая къ заключенію о тождествѣ Варяговъ съ Русью, ложна. Повторяемъ: на основаніи прямыхъ свѣдѣтельствъ Византійцевъ, этого утверждать невозможно. Въ ихъ произведеніяхъ Варяги имѣютъ чисто условное и, должно думать, позднѣйшее значеніе, принимая во вниманіе даже и Константина. Но должно ли ограничивать знакомство Грековъ съ Варягами этимъ позднѣйшимъ ихъ значеніемъ? Господствующее мнѣніе о тождествѣ Варяговъ («Βάραγγροι») съ древне-сѣвернымъ «Vaeringjar» не находитъ себѣ оправданія въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ, ибо существо ихъ вовсе не определяется понятіемъ «foederati». Выслушаемъ самихъ Скандинавовъ. Для сравненія «Варягъ» съ «Vaeringjar» важны были бы сопоставленія съ Византійскими источниками, не саги Гаральда Гардрада, гдѣ встрѣчаются «Vaeringjar», а саги Эймундовой. Наблюденія надъ тѣмъ, какъ Скандинавы привыкли выражать свои отношенія къ Руси, которыя начались, конечно, прежде Греческихъ (ибо путь ихъ лежалъ черезъ земли Сѣверо-Восточныхъ Славянъ), на своемъ родномъ нарѣчій, приводятъ къ рѣшительному отрицанію понятія о союзѣ: они торговцы, даже и тогда, когда предлагаютъ военныя услуги. Слово *vaere* (*fides*) и производное отъ него *vaering* никогда не встрѣчаются въ сагахъ, ближайшимъ образомъ касающихся Руси. И не могло этого быть: они безпрестанно называютъ себя иностранцами («*utlendir menn*»), мало могущими судить объ дѣлахъ Руси («*fatt kann ek til thess at leggja*», Еум.-S.), безпрестанно угрожаютъ измѣной, передачей своихъ услугъ враждебному конунгу и пр. Условіе, договоръ называется или просто «*mal*», или «*кауп*» (торгъ), условиться, договориться—«*at kaupra*»¹ (торговать-

¹ «*Kjósidh nú, hvort kaup vort skal standa lengr, edhr.*» etc. «*Tha kys ek laust kaup*

ся). Самое ихъ участіе обозначается весьма страдательными понятіями — «gengi, fylgi». ¹ Для понятія договора также употребляется слово «félag», ² по той простой причинѣ, что единственною ихъ цѣлью были «fè» (деньги). Эти отношенія къ основному населенію Сѣверо-Восточной Европы, замѣчаются и за Русью, которыхъ народность опредѣляется Несторомъ именемъ «Варяги.» У Константина Багрянороднаго встрѣчаемъ драгоцѣнное извѣстіе о томъ, что «οἱ Ῥῶς διὰ σπουδῆς ἔχουσιν εἰρήνην ἔχειν μετὰ τῶν Πατζιναχιτῶν. Ἀγοράζουσι γὰρ ἐξ αὐτῶν βόας καὶ ἵππους, καὶ πρόβατα, καὶ ἐκ τούτων εὐμαρέστερον διαζῶσι καὶ τρυφερώτερον, ἐπεὶ μηδὲν τῶν προειρημένων ζῶων ἐν τῇ Ρωσίᾳ καθέστηκεν.» Последнія слова Константиновы несправедливы. ³ Хотя изъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій мы и не можемъ извлечь свѣдѣтельства prima о процвѣтаніи скотоводства, но Несторъ же сохранилъ нѣкоторые древнія реченія и притчи, которыя убѣждаютъ въ томъ, что въ основахъ быта нѣкоторыхъ племенъ должно было быть скотоводство. Мы разумѣемъ слѣдующія слова въ Несторѣ, передаемыя имъ въ уста Древлянъ: «аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо».... «бѣше бо мужъ твой аки волкъ вохищя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю». Весьма вѣроятно, что и Русь, утвердившаяся на почвѣ Сѣверо-Восточныхъ Славянъ, брала дань предметами, особенно выгодными для торговли, и на нихъ вымѣнивала, руководясь выгодами, предметы своихъ потребностей. ⁴ При томъ, Сѣверныя шайки не могли застать хозяйственную жизнь

vorb»... «Kaupa their nu enn saman um 12 manudhi». Eym. Sg. c. VI. «Ok munum vér enn heldr kaupa vidh hann thessa 12 manudhi». Ibidem. c. VIII.

¹ Eym.-Sg., c. X: «hvort ther kjosidh oss til ydhvar edhr frá, edhr hvort thu thikist nokkut thursa vors gengis. Já, segir konúngr, fusir vaerum vér til ydhvars fylgis» etc.

² «Hvort.... edhr viltu nú at skili meðh oss vort félag» etc.

³ Замѣтимъ, что извѣстіе Константиново можетъ имѣть значеніе только обратное — къ прошедшему, къ старинѣ: къ Ольгѣ это не можетъ быть отнесено, ибо изъ Нестора мы знакомы съ ея внутреннимъ урядомъ.

⁴ Этими отношеніямъ совершенно соотвѣтствуетъ наименованіе «Παχιτώται», которое трижды придаетъ Константинъ къ имени «Ῥῶς»: 1) Ed. Bon., p. 75: «οἱ δὲ Σκλάβοι οἱ παχιτώται αὐτῶν, οἱ Κριβηταιηνοὶ λεγόμενοι καὶ οἱ

Славить въ ея первобытномъ состояннѣ, ибо мѣна уже должна была начаться съ Хозарами. «Полянѣмъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки.» Путь былъ, конечно, торговый: Варяги, и торговали на пути, и дѣлали путь для торговли съ другими землями. Древнѣйшія данныя Сѣверныхъ сагъ, передающихъ въ нихъ весьма не ясныя отголоски старины, свидѣтельствуя и о враждебныхъ отношеніяхъ. Указываемъ на извѣстное уже намъ мѣсто «Ynglinga-saga» о Ингварѣ: «var athur Sviariki mioc herseat, baethe af Doenom oc Austurvegs monnum.» Это свидѣніе можетъ быть провѣрено извѣстіемъ Мукадеси, говорящимъ о нападеніяхъ и грабежахъ, которымъ подвергалась Русь отъ Славянъ (Френъ стр. 2. Ср. выше). За тѣмъ сага продолжаетъ: «Ingvar Kongur gerthi frith vith Dania; toc tha at herja um Austur vego.» Что Славянская почва привыкла принимать къ себѣ Варяговъ, какъ купцовъ, видно изъ средства обмануть, который выбралъ Олегъ: «гость есмь, идемъ въ Греки.» На сколько могутъ убѣдить эти скудныя данныя языка и исторіи, я считаю болѣе вѣроятнымъ слѣдующее объясненіе слова «Варягъ» (Βάργγαι.) Я предполагаю образованіе varing (въ смыслѣ «mercenarius») отъ слова vara (f. merx. Vare. Biörn. II, p. 410). Вотъ оправданіе моего производства. Отсутствіе перегласовки по вліянію *i* не противорѣчитъ производству, ибо тоже замѣчаемъ въ слѣдующихъ образованияхъ: van-ingi (n. pr.), hadd-ingi (n. pr.), arm-ingi (pauperculus), hand-ingi (vinculus), arv-ing (Grimm. D. Gr., II, p. 355). Соединяемость корня var съ суффиксомъ ing доказывается формой varn-ingr (m. merces, Vare, Gods. Biörn. II, p. 412, Cf. Grimm. D. Gr., II, p. 351), формою, весьма близкою къ нашей, если взять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Производство съ *n* весьма часто, по ученію Гримма, производится неорганически. Это глагольное производящее окончаніе въ нашемъ реченіи (varn-ingr) присоединено къ слову, которое въ глагольныхъ образованияхъ вовсе не встрѣчается: тѣмъ болѣе можемъ мы дать ему значеніе неорга-

Λευζανῆνοι καὶ οἱ λοιποὶ Σκλαβίνιοι; 2) *ibidem*:.... «Βιτετζέβη, ὑπερ ἑστὶ παντιωτικὸν κάβτρον τῶν Ῥώσ»; 3) p. 79:.... «ἀρχοντες ἐξέρχονται.... καὶ ἀπέρχονται.... εἰς τὰς Σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ Κρίβιτζῶν καὶ τῶν Σερβίων καὶ λοιπῶν Σκλάβων, οὗτινές εἰσι παντιῶται τῶν Ῥώσ».

ническаго образованія. Большая часть реченій на *ing* съ значеніемъ вещи предполагаетъ древнѣйшее значеніе лица и представляетъ собой нечто иное, какъ олицетворенія (Grimm, D. Gr., II, p. 364). Съ значеніемъ лица должно было ходить въ древности реченіе *varīngr* и потомъ уже уступить мѣсто образованію «*kaupmaðr*» (Biörn, I, p. 446), новостъ котораго ясна.

Добывши понятіе «Варягъ», мы не объяснили еще себѣ Руси. Потому-то мы и называемъ опредѣленіе «Руси» именемъ «Варягъ» у Нестора объективнымъ. Эти два имени не сходятся; представленія, скрывающіяся въ нихъ, другъ друга не покрываютъ, какъ видимъ. Слѣдовательно, Несторъ, опредѣляя однихъ другими, не могъ исходить при этомъ изъ наблюденій надъ современнымъ ему состояніемъ «Руси» и «Варягъ», ибо въ его живой современности и въ ближайшемъ къ ней прошедшемъ подъ ними разумѣлись лица совершенно различныя. Какъ раскрыть тайну логическаго хода, приведшаго Нестора къ заключенію о родствѣ Руси съ Варягами? Самъ Несторъ не раскрываетъ ее. Онъ, какъ истый хронистъ, «полагаетъ числа» съ царствованія Михаила, когда «нача ся прозывати Руска земля». Заимствуя данное 866 г. (Krug, *Forschungen*, I, SS. 138, 159; II, S. 355) и данныя греческаго лѣтописанія, онъ, также не раскрывая посылку своего заключенія, приписываетъ походъ, изображенный въ немъ, Аскольду и Диру. Предваряя о своемъ счисленіи (изд. Тимк., стр. 11), Несторъ говоритъ въ началѣ: «о семь бо оувѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ,» не называя Греческаго хрониста и не приписывая похода Аскольду и Диру. Изъ другихъ его указаній видно, что называть свой источникъ по имени онъ не прочь. Но именно здѣсь онъ его не назвалъ. Этотъ источникъ ближайшимъ образомъ можетъ быть указанъ въ безыменномъ продолжателѣ Георгія Амартола, присоединяемомъ къ Георгію, какъ въ Греческихъ, такъ и въ Славянскихъ древлепереведенныхъ текстахъ.

Г. А., изд. Муральтомъ.
стр. 736.

‘Ο δὲ βασιλεὺς ἐξεστράτευθε κατὰ τῶν Ἀγαρινῶν καταλιπὼν ἐν τῇ πόλει (ταύτην φυλάττειν) Ὀρорύφαν ὑπαρχον (δύνα), ὁβ-
τις, οὕτω τοῦ βασιλέως μη-
δὲν ἐξ ὧν ἐμελέτα καὶ κα-
τὰ νοῦν εἶχεν ἐργασαμένου,
τὴν τῶν ἀδελφῶν ῥῶς ἐμή-
νυθεν ἀφίξειν, γεγεννημένου
ἤδη κατὰ τὸν Μαυροπότα-
μον. Καὶ ὁ μὲν βασιλεὺς καὶ
τῆς ἐρχομένης μετεσχήθη δ-
δοῦ καὶ δι’ ἣν ταύτην ἀφῆ-
κεν, οὐδὲν βασιλικὸν καὶ
γενναῖον εἰργάσατο. Οἱ δὲ
ῥῶς φθάσαντες ἔνδον τοῦ
ἱεροῦ γενέσθαι, πολὺν εἰρ-
γάσαντο φόνον χριστιανῶν
καὶ ἀδελφῶν αἷμα ἐρέχεον.
ὑπῆρχον δὲ πλοῖα β’, ἃ πε-
ριεκύκλωσαν τὴν πόλιν (καὶ
πολὺν φόβον, τοῖς ἐνδοθεν
ἐνεποίησαν). Ὁ δὲ βασι-
λεὺς καταλαβὼν μόλις ἰδ-
χυνθε διεπεράσθαι, καὶ δὴ οὖν
τῷ πατριάρχῃ Φωτίῳ εἰς
τὸν ἐν Βλαχέρναις ναὸν τῆς
τοῦ θεοῦ μητρὸς παρεγέ-
νοντο κακεῖ τὸ θεῖον. ἐξι-
λεοῦντο καὶ εὐμενίζοντο. εἴ-
τα μετ’ ὑμνωδίας τὸ ἅγιον
τῆς θεοτόκου ἐξαγαγόντες
ὠμοφόριον, τῇ θαλάσῃ ἀκ-
ρως προσέβαψαν. καὶ νηπι-
μίας οὕσης, εὐθὺς ἀνέμων
ἐπιφορὰ καὶ, τῆς θαλάσσης
ἡρεμούσης, κυμάτων ἐπα-
ναστάσεις ἀλλεπάλληλοι ἐγ-
έροντο, καὶ τὰ τῶν ἀδελφῶν
ῥῶς πλοῖα κατεάγησαν, ὁ-
λίγων ἐκπεφυγόντων τὸν
κίνδυνον.¹

Сербская рукопись. Сип.
библ. № 148.

Црь же изиде, коека-
ти на агараны. оставль
къ градѣ Орифѣ инарха,
иже не оуцарекн ни ѿ
ижемоу оуцарекнессе и къ
оумѣ иицаше творимоу.
безбожныи роуць възкѣ-
сти иишесткии. бывшоу
оуже оу Макронотамѣ. и
црь оубо и приишествиих
поути оудръжасе. и уесо-
дѣлѣ снѣ остави, ииуе-
со же црьско и моужьско
сѣдѣла. Роуци же приишѣ-
ше кьноуць быти црьке.
иного сѣделаше оубишество
хрѣтианомѣ. и исповнишоу
кроуь пролишасе. вѣхоу
же кораблѣ .с. иже ѿк-
роуише градѣ и много
страхѣ кьноуць соуцрѣишѣ
сѣтворише. црь же оукѣкъ
сѣка възможе ирѣтити. и
сѣ патриархомѣ фотинемѣ,
къ калхерноу приидоста и
тоу бѣ моулахоу, таже сѣ
птисныи стѣи бгородниче
изнесше ѿмофорѣ, къ мо-
ре краи ѿмоуише. и ти-
шинѣ соуцрѣи, абише кѣт-
ромѣ наитише, и мороу
възмоутишешоусе, кльнѣишѣ
вѣстанѣ уесто бы. и без-
божныхъ роуць кораблѣи
погрезоше, малемѣ оубѣт-
шемѣ ѿ вѣды.

Ср. Нестора. изд. Тимк.
стр. 13. Шлецеровъ Не-
сторъ II, S. 221 — 227.

Собравши и оцѣнивши древнiя свѣдѣтельства, нашему знанiю доступныя, мы пришли къ слѣдующимъ соображенiямъ относи-
тельно Руси. Судя по подробностямъ быта и языка, дошедшимъ

¹ Я ограничиваюсь лишь этимъ указаниемъ, не осмѣливаясь вести вопросъ о Не-
сторовомъ источникѣ дальше, въ ожиданiи изданiя трудовъ В. М. Ундольскаго.

до насъ отъ древней Руси у тѣхъ древнихъ писателей, которые ясно различаютъ ихъ отъ Славянъ, они — Норманны. Относительно болѣе частнаго опредѣленія ихъ народности не можемъ дать рѣшительно никакихъ разъясненій. Имя же ихъ не считаемъ возможнымъ производить ни отъ Финскаго названія Шведовъ, ни отъ Грековъ, наименовавшихъ ихъ, по ученію Круга (Forschungen, I, SS. 207 — 216), будто бы своимъ словомъ ῥούσιος, будто бы могущимъ перейти въ форму имени Ῥῶς. Въ слабости перваго мнѣнія убѣдится всякій внимательный читатель, получившій филологическое образованіе, выкинувши въ то, что говоритъ г. Кунникъ на стрр. 160 — 167 перваго тома своего сочиненія «Ueber die Berufung etc.» Что до насъ, мы не только не видимъ возможности произвести «Русь» отъ Финскаго «Ruohiti, Ruotti, Ruotsi», но до того считаемъ себя чуждыми подобной мечты, что никакимъ образомъ не можемъ найти точку опоры и для возраженія.

Мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ объясненіе имени «Русь» Славянскимъ словомъ въ значеніи «ξανθός, λεύκος», которымъ [наименовали Славяне Сѣверо-Восточные своихъ Сѣверныхъ насельниковъ по, бросившейся имъ въ глаза, рѣзкой особенноти Сѣверно-Нѣмецкаго племени, издавна засвѣдѣтельствованной древностью (Tacitus, Germania, cap. IV и комментаторы къ ней). Припомнимъ мѣсто Арабскаго Географа, называющаго «Русь» самыми бѣлокурными изъ Славянъ, извѣстное свѣдѣтельство Лунтпранда, видѣвшаго «Русь» въ Константинополѣ, о томъ, что «Русь» названа такъ по особенноти ихъ тѣлеснаго вида. «Suiones», явившіеся въ 839 въ Ингельгеймъ, выбрали свой псевдонимъ, разсчитывая на то, что никакимъ путемъ не могло дойти до Запада то имя, которымъ ихъ зовутъ непріязненные имъ, далекія «immanissimae gentes» и что имя Царя, которымъ называли тѣже «immanissimae gentes», того насильника, которому они тогда еще платили дань, Когана Хозарскаго, также не могло быть извѣстнымъ на Западѣ. Характеризуя новое племя, народъ не сравниваетъ его съ собою, а съ другими племенами, уже извѣстными ему. Не мудрено, что бросилась въ глаза Славянъ рѣзкая особенноть Сѣверно-Нѣмецкаго племени, въ глаза Славянъ, привыкшихъ къ цвѣту Турецкихъ племенъ. Со стороны грамматическаго окончанія «ѣ» возраженій сдѣлать нельзя. Индо-Европейскія племена склонны образовывать

слова съ значеніемъ племени, толпы, множества въ формѣ женскаго рода. Такъ, обращаясь къ Германскимъ нарѣчіямъ, мы находимъ большинство словъ, означающихъ племя и пр. въ женскомъ родѣ: Гот. *thiuda*, Дрскс. *thiod*, Англоскс. *thēod*, Др.-Сѣв. *thiod* — всѣ женскаго рода; также Др.-Сѣв. *liod*, *drötl*, *mūgi*; Гот. *managei* и пр. (Grimm, D. Gr., 3, S. 471—475). «Das femininum schickt sich für den Begriff der Ausdehnung», по словамъ Гримма. Въ этихъ явленіяхъ словотворчества языкъ находится на древней ступени образованія числительныхъ именъ, которыя, по средству своему съ понятіемъ «множества», также представляютъ часто формы женскаго рода. Это явленіе замѣчается въ Славянскихъ языкахъ, которые представляютъ примѣры согласованія прилагательнаго съ числительнымъ «пять», «семь», какъ съ именами существительными женскаго рода въ память сѣдой старицы. Для наблюденій надъ древними образованіями именъ народныхъ любопытны формы народныхъ именъ иноплеменниковъ: матеріальный составъ имени — чужой, на долю Славянъ остается одно окончаніе. И въ нихъ-то мы видимъ всего чаще окончанія женскаго рода. Таковы названія Финскихъ племенъ у Пестора, между которыми находимъ нѣкоторыя именно съ окончаніемъ *ь*, — *Весь*, *Пермь*, большинство же съ *а*; но всѣ — женскаго рода.¹

ЧАСТЬ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ.

1. РАЗБОРЪ НАЗВАНІЙ ДНѢПРОВСКИХЪ ПОРОГОВЪ, ПРИВОДИМЫХЪ КОНСТАНТИНОМЪ БАГРИНОРОДЦЫМЪ ВЪ СОЧИНЕНІИ «de administrando imperio». Κεφαλαιον θ'. (ed. Bonn., pp. 74—80).

Прежде нежели приступимъ къ частнымъ изслѣдованіямъ, остановимъ вниманіе на отношеніяхъ, въ какихъ находятся между собою Русскія названія съ Славянскими въ Константиновомъ извѣстїи о порогахъ, и озаботимся вопросомъ о Константиновомъ источникѣ. Мнѣніе Лербергера (Untersuchungen, S. 378) о Славянскомъ

¹ На сколько существенна и постоянна склонность Индо-Европейскихъ языковъ выражать представленія множества формами женскаго рода, ослѣдательно участвуетъ скр. *himāni*, въ значеніи «множество льду», образованное расширеніемъ согласной темы *an* и присоединеніемъ окончания ж. рода *i* отъ сущ. им. въ муж. р. *hima* (ледъ, снѣгъ). См. Benfey «Orient und Occident», 1862, S. 277.

происхождении Константинова источника неопровержимо. Этимологическій разборъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, укажетъ на то, что, при относительной вѣрности, Славянскій источникъ неточно передавалъ Русскія названія, подвергая ихъ иногда произвольнымъ искаженіямъ, весьма яснымъ для того, кто знакомъ съ Славянскимъ воспріятіемъ Древне-Сѣверныхъ звуковъ по именамъ договоровъ. Неточность передачи, въ которой источникъ, можетъ быть, предупредилъ Константина, была причиной того, что въ числѣ Русскихъ именъ находимъ одно съ Греческимъ окончаніемъ, именно «Βαρουφόρος». Этого равнодушія къ окончанію въ Славянскихъ названіяхъ вовсе не замѣчаемъ. Последнія переданы съ точностью безукоризненною, съ соблюденіемъ полугласныхъ, тогда еще, какъ видно, въ произношеніи слышныхъ. Но, если въ неточной передачѣ Русскихъ именъ былъ виновенъ Славянскій источникъ, то кое въ чемъ оказывается небрежнымъ и самъ Константинъ. При названіяхъ перваго порога вышло его Русское имя, при названіяхъ третьяго Славянское. Ошибка принадлежитъ Константину. Современное названіе порога «Звонецъ» Лербергъ хотѣлъ спасти поправкою въ текстъ; ¹ но эта поправка, какъ ни остроумна она, не можетъ остаться безъ возраженій. Во первыхъ, палеография найдетъ себѣ предметъ сомнѣнія въ ней: многочисленныя лигатуры Греческаго письма даже и X—XIII вв. не такъ-то легко допустить прыжокъ съ слога «ιστι» на слово «ἔστι», хотя въ однообразной печати онъ и кажется весьма легкимъ. Во вторыхъ, контекстъ рѣшительно отвергаетъ Лербергову поправку, ибо ни разу при собственныхъ именахъ пороговъ не находимъ глагола «ἐρμηνεύειν», а приводятся они, постоянно предшествуемые нарѣчіями — «Ῥωσιστὶ... Σλαβινιστὶ»; глаголъ же «ἐρμηνεύειν», что и естественно, стоитъ при Греческомъ толкованіи варварскихъ именъ. Доселѣ контекстъ мѣста. Остается еще принять въ расчетъ общій характеръ Константинова слога: онъ отличается однообразною простотою, нѣкоторою чиновною. Мы готовы не сомнѣваться въ томъ, что Славянскій источникъ, во всемъ точный, и въ передачѣ имени третьяго порога былъ равно точенъ, назвавши и Славянское имя порога, носящаго Русское имя «Ἰελανδρι». Но Константинъ не занесъ его, передавши лишь значеніе его, тож-

¹ «Γὰρ καὶ ὁ ἐρμηνεύεται Σλαβινιστὶ (βρочетъ ѿ εστι) ἢ καὶ φραγμοῖς. Untersuchungen, S. 360.

дественное Русскому, по Гречески, въ слѣдствіе чего порядокъ построения возмущился, и глаголь «ἐρμηνεύειν» соединился съ нарѣчіемъ «Σχλαβινιστὶ», хотя онъ относится къ Греческому выраженію значенія Русскаго имени. Потому же поводу и также порядокъ возмущенъ и при названіи перваго порога, гдѣ пропущено Русское названіе порога. Возстановленіе начальнаго «N» въ «Νεσσουπῆ», которому предшествуетъ слово «ἐπονομαζόμενον», оканчивающееся на «N», вызываетъ полное довѣріе. Въ литературѣ вопроса ему, кажется, не нашлось дѣльнаго возражателя. Слова «ὁ ἐρμηνεύεται Ῥωσσιστὶ καὶ Σχλαβινιστὶ» — объясняются тою же неточностью Константина: Русскаго названія онъ не записалъ съ устъ источника, а, узнавши значеніе его, отнесъ его Греческое выраженіе къ обоимъ варварскимъ названіямъ. Стремясь къ ненарушиму порядку, Лербергъ (Untersuchungen, SS. 350—356) хочетъ распространить Славянское «Несуши» и на Русское, будто бы, по сходству, въ немъ не вполне ясно отзывавшееся. Для этой цѣли предполагаются два отрицанія — ne-praeifixum и e-suffixum, изъ чего, изволите видѣть, составляется — «ne-suef-e». Въ основаніяхъ своихъ построеніе неметодичное! Прежде всего: примѣры именно такого двойнаго отрицанія нужно было бы привести не изъ Англосаксонскаго, не изъ нижне-Нѣмецкаго нарѣчій, и тѣмъ еще менѣе изъ «Visar of Wakefield», а изъ Древне-Сѣвернаго, что невозможно. И столько же неметодично было со стороны ученѣйшаго и даровитѣйшаго, хотя и раздѣляющаго неусыпхи своего времени, Лерберга возстановлять отрицаніе e-suffixum изъ Шведскаго нарѣчія. Здѣсь единственное правило — нарѣчіе Древне-Сѣверное. Если принять для Русскаго названія ту же форму повелительнаго склоненія, что и для Славянскаго, то окажется первое вовсе не на столько близкимъ ко второму, на сколько то казалось изслѣдователямъ, ибо въ древнемъ языкѣ Скандинавовъ была особенная форма отрицанія при повелительномъ склоненіи, а именно at въ положеніи позади (postpositio), и, при томъ, только въ древнѣйшую его эпоху. Приведемъ примѣры. Skaldskaparmâl: «vaxattu nú Vimur» (Pfeiffer, Altnord Lesebuch, S. 48); «munat tú halda Heidhrar stöli» (Ibid. 8. 57.); Sigurdharkvidha: «skalattu leyna» (Ibid., p. 63). И замѣтимъ, при томъ, что это отрицаніе постоянно сопровождается мѣстоименіемъ 2-го лица ед. ч. «thú». На этомъ основаніи, отвергаю предположеніе Лерберга и нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ.

Теперь обратимся къ самому тексту Константинову въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ.

Имя перваго порога Νεσσουπῆ («δ ἑρμηνεύεται Ῥωσσιστὶ καὶ Σχλαβινιστὶ μὴ κοινάσαι») будетъ особенно ясно въ своемъ Славянскомъ происхожденіи, если для его объясненія мы привлечемъ ко свѣдѣтельству древнюю правопись корня «съп,» родственнаго съ scr. svar (Bopp, Gloss. scr., pp. 394—395) и отождествимъ Νεσσουπῆ съ древней формой повел. накл. «не съни». Употребленіе повелительнаго склоненія съ цѣлыми словообразовательными засвѣдѣствовано Санскритомъ въ его сложномъ имени «arēhi svāgata» (Bopp, Gram. Crit., p. 291). ¹ Существованіе такого словообразовательнаго оборота засвѣдѣствовано общіемъ примѣровъ въ Древне-Русскомъ нарѣчій, и особенно въ лѣтописяхъ, на немъ писанныхъ (Полное Собраніе Русс. лѣтон., въ разныхъ мѣстахъ). ² Но дѣло въ томъ, что, для оправданія свѣдѣтельства Константинова, доказательство въ равной мѣрѣ нужно, какъ для Славянскихъ названій, такъ и для Нѣмецкихъ, ибо къ этому послѣднему корню относится Русское названіе перваго порога, хотя и не названное Константиномъ. Не говоря о собственныхъ именахъ личныхъ, въ общій попадающихся въ Нѣмецкихъ памятникахъ весьма различныхъ вѣковъ и мѣстностей (Grimm, II, S. 961), встрѣчаемъ, что для насъ гораздо важнѣе, характеристику мѣстностей образованіями, въ составъ которыхъ входитъ повелительное склоненіе, такъ, на пр., wart-ein-weil (Grimm, II, S. 962), по значенію дѣйствія, имъ выражаемаго, весьма близкое къ нашему не суйи, ибо оба содержать въ себѣ увѣщанія къ бодрствованію, предостереженіе.

«Καὶ κατέρχονται εἰς τὸν ἕτερον φραγμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ῥωσσιστὶ μὲν Οὐλборσὶ, Σχλαβινιστὶ δὲ Ὀστροβουνίπραχ, ὅπερ ἑρμηνεύεται τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ. Ἔστι καχαῖνος, ὅμοιος τῷ πρωτῷ, χαλεπός τε καὶ δυσδιέξοδος, etc.»

¹ Pott (Ueber die Personennamen, S. 613) выражается, по поводу этой формы, слѣдующимъ образомъ: Vgl. Etym. Forsch., II, 391) «wo ich noch geltend machen moechte, wie der Imperativ seiner Kuerzung wegen formell oft der Verbalwurzel naehert» (см. это мѣсто въ переработанномъ 2-мъ изд. указанного сочиненія, II томъ, изд. 1861 г., стр. 660 — 663). Но примѣры дѣйствительной близости повел. накл. къ глаг. корню совершенно не объясняютъ приведеннаго сложнаго слова, ибо въ немъ видимъ весьма тяжелое личное окончаніе втораго лица.

² Cf. Pott, Personennamen, 58; Grimm, Gram., II, S. 963.

Первый членъ сложнаго Русскаго имени («о́л») порога все́ми излѣдователями объясняется Скандинавскимъ «hólmr» (insula, Biorn, Lex. Isl.-lat.-danicum, I, p. 378). ¹ Выражу свое сомнѣнiе. М передъ β тѣмъ менѣе могло выпасть, что Греческое ухо Константина привыкло къ сочетанiю μ съ эффоническою б. β (Vergl. Gram. der Griech. und Lat. Spr. von Leo Meyer. 1861. I, S. 273). Если бы Константинъ слышалъ точную передачу имени такого состава, то и самъ ротъ себя не «искажилъ бы его». Остается сложить вину опущенiя «μ» на Славянскiй его источникъ. Въ дѣлѣ, столь древнемъ и имѣющемъ при томъ столько посредствъ, рѣшенiе едва ли возможно.

Мнѣ, впрочемъ, не кажется необходимымъ дѣлать значенiе толкованiя «τὸ ὑψίον τοῦ ὄρχυμοῦ» обязательнымъ равно для обоихъ названiй втораго порога, какъ Славянскаго, такъ и Русскаго. Весьма вѣроятно (и, надѣмся, это вѣроятiе обратится въ достовѣрность доказательной силою другихъ названiй), что Славянинъ толковать такъ или иначе, съ большей или меньшей близостью лишь свои, отечественныя названiя, безъ увѣренности въ ихъ тождественности съ Русскими, а Константинъ и тѣмъ менѣе могъ собственными силами опредѣлить ихъ отношенiя. Второй порогъ описывается Константиномъ, какъ «χαλεπὸς τε καὶ δυσὸιζόδοος». Съ природою порога мнѣ кажется совершенно согласнымъ произвести его Русское имя отъ Скандинавскаго hol (n. cavitas. Biorn, I, p. 377), которое въ реченiи «nedra hollikama» имѣетъ значенiе «abdomen», или отъ «hola» (f. foramen, os, caverna. Biorn, I, p. 378); что въ сочетанiи съ fors¹² (m. cataracta fluminis, praecipit. lapsus. Biorn, l. l. I, p. 236), получить значенiе «ямистаго порога». Выпускъ гортаннаго придыханiя (h) въ началѣ словъ предъ гласною никакимъ образомъ не можетъ представить препятствiя нашему производству. Въ разборѣ именъ договоровъ мы будемъ имѣть случай указать, какъ часто опускается оно въ руническихъ надписяхъ.

¹ Мы болѣе согласны съ этимъ производствомъ Струве и Туиманна, которое допускаетъ и Лербергъ въ 4 прим. къ стр. 358, хотя на стр. 357 болѣе вниманiя посвящаетъ производству отъ Пиж.-Пѣм. «worth, wurth», но, по нашему мнѣнiю, бесплодно.

² О смѣнѣ о съ и см. Sjögren. Erklärung des Wortes «Иуда» Mémoires de l'Académie de S.-Petersbourg, T. II, 1834, S. 574, Anm. 89 (p. 587).

Я не ощущаю большой необходимости въ передѣлкѣ «Ostrow-nū Prag» изъ «Ostrowunī prach», предлагаемой Лербергомъ (l. l. p. 357), ибо нахожу въ послѣдней формѣ слѣды полугласной.

Τὸν τρίτον φραγμὸν τὸν λεγόμενον Γελανόρι, ὃ ἐρμηνεύεται Σκλαβινιστὶ ἕχρος φραγμοῦ.

Объ этомъ мѣстѣ Константина мы имѣли уже случай объяснить въ предварительномъ замѣчаніи. Относительно Русскаго имени совершенно согласны съ толкованіемъ Лерберга ¹ и Шафарика. ² Напомнимъ лишь себѣ въ дополненіе, что въ Сѣверномъ языкѣ причастныя формы часто употребляются въ смыслѣ именъ существительныхъ; такъ, на пр.: «elskandi, fjāndi, froendi, bōndi» (Pfeiffer, Alt.-nord. Lesebuch, SS. 171 — 172, § 227). А въ окончаніи andi (=andr) «a» совершенно правильно осталось безъ перемѣны, вѣдѣ вліянія оканчивающаго форму i (Ibidem, S. 153, § 114).

Ἐὺ οὕτως τὸν τέταρτον φραγμὸν, τὸν μέγαν, τὸν ἐπιλεγόμενον Ῥωσιστὶ μὲν Ἀειφάρ, Σκλαβινιστὶ δὲ Νεαδῆτ, διότι φωλεύουσιν οἱ πελεκῆνοι εἰς τὰ λιθάρια τοῦ φραγμοῦ.

Относительно Славянскаго названія мы совершенно спокойно можемъ повторить Константиново толкованіе («διότι—τοῦ φραγμοῦ»). Лербергово производство представляетъ трудности относительно значенія «aefr» (fervidus), которымъ онъ хочетъ объяснить порогъ, посящій Русское названіе «Аѣѡѡр». Намъ представляется это Русское названіе сложнымъ именемъ, въ составныхъ частяхъ котораго мы на столько же увѣрены, на сколько и въ значеніи его. Слогъ аѣ — случайнымъ образомъ представляетъ въ этомъ имени то Греческое слово, которое и по созвучію и по этимології тождественно тому Скандинавскому, отъ котораго мы производимъ эту составную часть Русскаго названія четвертаго порога. Первый составной членъ имени Ἀειφάρ сличаемъ съ Древне-Сѣвернымъ æ, второй съ far тогоже нарѣчія. Объяснюсь подробно. Древне-Сѣверное æ (semper) неопровержимо сличается Яковомъ Гриммомъ (D. Gr., I., S. 293) съ Гот. āiv, которое въ формѣ имени существительнаго муж. pp. āivs переводитъ у Ульфила «κόσμος, αἰών»

¹ Untersuchungen, SS. 359 — 361.

² Slowańské Staroŕ, Str. 359.

и въ различныхъ своихъ образованияхъ и сложеніяхъ является въ значеніи *μόγισ* (*halis-áiv*), *suns-áiv* (*εὐθιέως*) и пр. (*Dieffenbach, Vergl. Wbuch der Goth. Spr., I., S. 26; Loebe und Gabelentz, Ulfila, II, l., p. 8*). Нарѣчное образование *æ* въ Древне-Сѣверномъ имѣть, какъ нарѣчное, постоянное значеніе—*semper*, но, судя по смѣнѣ Готскихъ значеній, оно легко могло древле имѣть значеніе продолжительности, и, особенно, если припомнимъ склонность нарѣчій къ старинѣ. Нарѣчіе, имѣющее значеніе — *semper*, какъ веѣмъ извѣстно, образуется въ Индо-Европейскихъ языкахъ отъ корней мѣстоименныхъ, и, такимъ образомъ сложившіяся нарѣчія, трудно сводятся къ значенію, болѣе первоначальному. По нашъ случай совершенно иной.

Въ соединеніи *сѣ-¹far*» (*n. foiter, motus. Biörn, I., стр. 195*) нарѣчіе *æ*, здѣсь являющееся въ прилагательномъ значеніи, составить значеніе «продолжительнаго пути,» которое совершенно согласно съ Константиновымъ описаніемъ порога (.... «καὶ τὰς βίγλας οὗτοι διὰ τοὺς Πατζινακῆτας ἄγρουπνως φυλάττουσιν. οἱ δὲ λοιποὶ τὰ πράγματα ἅπερ ἔχουσιν εἰς τὰ μονόξυλα ἀναλαμβάνοντες, τὰ ψυχάρια μετὰ τῶν ἀλύσεων διὰ τοῦ ξηροῦ αὐτὰ διαβιβάζουσι μίλια ἑξ, ἕως ἂν διέλθωσι τὸν σραχμόν).

Остается оправдать произношеніе *æ æi*, тождественное съ Греческимъ *ἀεὶ*, сроднымъ съ Гот. *áiv*, а слѣдовательно и съ Древне-Сѣвернымъ *æ*. Готское *ái* въ Древне-Сѣверныхъ своихъ представителяхъ являетъ весьма живую смѣну *æ* и *ei* (*Grimm, D. Gr., I, S. 293*), изъ которыхъ послѣднее даже изображалось группой трифтонга *æi*, этимъ своимъ начертаніемъ подавая графическое, самое непосредственное, подтвержденіе своего ближайшаго родства съ перегласовкою *æ*. Въ древнихъ рукописяхъ Нумисгвид-ы пишется *væidhar, tæina, tæitr, læit* и пр. Для оцѣнки этихъ явленій достаточно привести слѣдующее о нихъ сужденіе Якова Гримма: «das ist zwar nicht nachzuahmen, aber den Ursprung aus einem ælteren ai und den accent auf ei beweist (*D. Gr., I, S. 295*).

Τὸν πέμπτον σραχμόν τὸν ἐπονυμαζόμενον Ῥωσσιστὶ μὲν Βαρουρόρος, Σκλαβινιστὶ δὲ Βουλνηπραχ, ὅτιοι μεγάλην λίμνην ἀποτελεῖ.

Славянское названіе этого порога толковали сначала «вольный порогъ», въ согласіи съ Константиновымъ извѣстіемъ, приведеннымъ выше («ὁτίοι κ. τ. λ.»). Начиная съ Байера стали сомнѣ-

ваться въ вѣрности этого толкованія, пока Лербергъ не только отвергъ его, но, увлекшись данными новыхъ путешествій и, на основаніи ихъ, отвергнувъ прежнее толкованіе, покусился на текстъ Константинова извѣстія, и исправилъ $\Lambda\iota\mu\nu\eta\nu$ въ $\delta\iota\nu\eta\nu$ ¹ (Untersuchungen. S. 367). Шафарикъ (Slowanské Starož., str., 560), умалчивая о Лерберговой поправкѣ, даетъ предпочтеніе новымъ даннымъ и, согласно съ ними, толкуетъ «вльнянын прагъ» («cataracta fluctibus abundans»). Но, спросимъ, какой порогъ не «вльнянъ»? Болѣе или менѣе всякій. Такое названіе такъ блѣдно и не выразительно, что внутреннее чувство одно отвращаетъ насъ отъ толкованія имъ Константиновыхъ именъ. Притомъ, странное противорѣчіе Константиновыхъ данныхъ съ новыми и, связанная съ нимъ, произвольная поправка Лерберга въ одинаковой мѣрѣ не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Замѣтимъ еще разъ, что толкованія «вльнянын прагъ» основывается рѣшительно на одномъ тонографическомъ недоразумѣніи, выводимомъ Лербергомъ на основаніи данныхъ новыхъ путешествій. Названіе же этого порога «вольный» и доселѣ удерживается за нимъ (см. Lehrberg, Unterss., S. 320). Чему же должны мы слѣдовать въ критикѣ названія? Не колеблясь, послѣдуемъ за Константиномъ, который передалъ имя въ такомъ видѣ, который болѣе приближаетъ его къ теперешнему народному названію «вольный», удержавшемуся по силѣ преданія отъ глубокой древности даже и донынѣ. Для разрѣшенія тонографическаго недоразумѣнія призываемъ къ помощи кого нибудь, кто найдетъ въ себѣ силы проникнуть въ нашу нептуническую тайну съ болѣею полноправностью, нежели Лербергъ и другіе археологи. Мнѣ кажется, что изслѣдователямъ особенно сильнымъ побужденіемъ къ поправкамъ и къ объясненію извѣстнымъ образомъ Славянскихъ названій было удобство объяснить первый составной членъ Русскаго названія «βαρουφορος» изъ «bar, bara, islaendisch die Welle» (Lehrberg, Unterss., S. 368). Предлагаемъ объясненіе Русскаго названія, совершенно согласное съ Константиновыми данными. Слогъ «vagu (βαρου)» мы родимъ съ Древне-Сѣвернымъ реченіемъ «огг», въ которомъ скрытъ образовательный слогъ va, ясно выступающій въ формѣ сравнительной степени

¹ Сходство λ и δ , на которомъ отчасти основалъ Лербергъ свою поправку, весьма призрачно. Онъ отождествляетъ ихъ, какъ λ - λ . Но развѣ такъ пишутся эти буквы въ Греческихъ рукописяхъ X—XIII вв?

ögvagi. Но, хотя и скрытый, этот образовательный слогъ можетъ быть открытъ и въ формѣ ögg, если бы даже и не существовала форма ögvagi, ибо гласная коренная является въ возмущенномъ, перегласованномъ видѣ изъ *a* (Dieffenbach, Vergl. Wbuch der goth. spr. I, SS. 22, 70; Grimm, D. Gr. I, S. 300), Присутствіе *u* (Англ. *u* предъ гласною) въ произношеніи ögg обличается и Шведскою формою этого реченія «уг» (Grimm, Ibid., S. 547). Путемъ этихъ посредствъ я думаю указать на произношеніе *wa-gu*, начертанное Константиномъ βαρου (β=ν). Я совершенно недоумѣваю относительно основаній, побудившихъ Лерберга (Untersuchungen, S. 368) видѣть въ *u* формы *bagu* окончаніе родительнаго падежа множ. числа. Такого окончанія, на сколько теперь извѣстно, ни одно склоненіе ни въ одномъ изъ Нѣмецкихъ нарѣчій не имѣетъ. Въ Древне-Сѣверномъ неизмѣнно является въ род. пад. множ. числа окончаніе *a*, въ другихъ древнихъ нарѣчійхъ смѣняются *e* и *o*. Я смотрю на это *u*, какъ на слѣдъ основнаго слога *va*, ибо стяженіе слога *va* въ *u*, *o* въ Древне-Сѣверномъ вещь самая обыкновенная, также какъ и афереза *v* предъ гласною. Согласно съ этимъ разборомъ, мы толкуемъ «βαρουφороς» — «скорый» быстрый порогъ, не представляющій замедленія. Замѣтимъ, что это значеніе исключительно свойственно Древне-Сѣверному нарѣчію (Bjorn, s. h. v. Dieffenbach, l. l.). О уподобленіи *rs* въ *fors* Греческому окончанію 2-го склоненія, мы имѣли случаи упомянуть выше.

Τὸν ἕκτον φραγμὸν τὸν λεγόμενον μὲν Ρωσιστὶ Λεάντι, Σχλαβινιστὶ δὲ βερούτζη, ὃ ἐστὶ βράσμα νεροῦ.

Славянская форма ясна, особенно если сличить Константинову ея передачу съ Церковно-Славянскою формою «врѣшти» (Восточна Словарь, стр. 49 ἀναβλύζων) и припомнить древнее свойство полногласія въ Древне-Русскомъ нарѣчій. Тогда мы вполне поймемъ, легко предупреждающую произношеніе гласной *p*, краткую гласную *e* (leise vortoenende Vocal), на подобіе формы мерети на ряду съ Ц.-Слав. мрѣти, верети наряду съ Ц.-Сл. врѣти и пр. Такое производство притомъ оправдывается совершенно Константиновою глоссой (βράσμα νεροῦ). Относительно, какъ Славянскаго, такъ и Русскаго названія этого порога, Лербергъ далъ снова преимущество своимъ догадкамъ, по побужденіямъ иперкритицизма (прошу извинить выраженіе!), часто отклонявшимъ

его во всемъ остальномъ тонкій и развитой филологической тактъ отъ истиннаго пути (Unterss., S. 369 — 373). Умалчивая о Лерберговомъ «вареніи каіши», Шафарикъ выражаетъ ясно свой взглядъ сличеніемъ съ Срб. врула, Ческ. wřjdló. Съ Лерберговымъ объясненіемъ Русскаго имени отъ корня land, очень неяснымъ съ точки зрѣнія грамматической и вообще весьма мало обоснованнымъ, равно какъ и съ производствомъ Струве отъ корня lain (кипѣть), Шафарикъ не соглашается, хотя своего воззрѣнія и не предлагаетъ. Предлагаю мою попытку этимологическаго объясненія Русскаго названія этого порога. Миѣ кажется возможнымъ производство отъ корня hlae, представляющагося здѣсь съ весьма обыкновенною аферезой придыханія гортаннаго (h) передъ плавными (Grimm, D. Gr., SS. 323 — 324, 327 — 328) въ формѣ lae, а въ причастной своей формѣ læandi, læjandi (Grimm, Gesch. der D. Spr., I, S. 89), Господствующее значеніе корня hlae (Гот. hlahan, γελᾶν etc.; Dieffenbach, I. I., 2, S. 556 — 557; Löbe u. Gabelentz, Ulfila, II, 1, S. 63) есть «смѣяться.» По именно въ Древне-Сѣверномъ нарѣчій онъ имѣетъ поэтическіе оттѣнки значенія, которыя могутъ служить характеристикой τῆς βράσμεης νεροῦ. Это значеніе, по опредѣленію Біорна (I, p. 370), есть nitere, наблюдаемое въ слѣдующемъ любопытномъ примѣрѣ «öxin hloeg», толкуемомъ лексикографомъ Исландскимъ такимъ образомъ: Oksen glindser, og dens eg er slov (securi acies albes, c. obtusa est). По предлагаемому толкованію, Русское названіе будетъ означать «мерцающій, сверкающій водоворотъ». Этотъ поэтическій эпитетъ особенно приличенъ Сѣверному языку, въ лексикѣ котораго ясно видна раскрытая сила поэтическаго творчества.

...καὶ ἀπὸ τοῦτου ἀποπλέουσι καὶ πρὸς τὸν ἑβδομον φραγμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ῥωσιστὶ μὲν Στρούβουν, Σκλαβινιστὶ δὲ Напрезѣ, ὃ ἐρμηνεύεται μικρὸς φραγμός, κ. τ. λ.

Оставляя въ полной силѣ толкованіе Шафарика касательно названія Славянскаго седьмаго порога, предлагаемъ наше производство Русскаго его имени. Производство Лерберга названія Στρούβουν отъ Strondbun (Uferzaun) (Unterss., S. 377), Шафарикомъ (S. S., str. 560) просто — безъ одобренія и безъ опроверженія — приводимое, наводитъ на сомнѣніе. Выпаденіе средней зубной передъ таковою же губною не имѣетъ рѣшительно никакого осно-

ванія. Въ произношеніи Варяга первая не могла выпасть, ибо это соединеніе не противно Древне-Сѣверному произношенію, что видно изъ нѣкоторыхъ сложныхъ словъ, какъ, на пр., *vad-berg* (n. *praecipitium* *auscitur*. *Biorn*, 2, p. 402.), *vad-beygia* (f. *alveolus in scalmo, per quem funis piscatorum reciprocatur*. *Biorn*, *Ibidem*); Славянскому же — тѣмъ менѣе: припомнимъ лишь именныя образованія съ приставкой *ба*. Это Лербергово производство я объясняю не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ къ возможной близости значенія именъ Русскихъ съ Славянскимъ. Но это стремленіе совершенно ложно. Весьма естественно, что и Русь и Славяне называли пороги по однимъ признакамъ; но образъ выраженія послѣднихъ, конечно, у тѣхъ и другихъ принималъ отбѣнки и различія весьма яркія. Никто не можетъ указать на названія одного и того же предмета въ различныхъ языкахъ, которыя бы вполне другъ другу соотвѣтствовали. Менѣе всего можно искать такого соотвѣтствія въ двухъ языкахъ, судьбы которыхъ столь различны. И такъ, трудное толкованіе Лерберга объясняется по преимуществу его желаніемъ сблизить значеніе Русскаго названія седьмаго порога (*Στρούβου*) съ Славянскимъ (*Напреζή*), ибо послѣднее онъ толкуетъ «на брезѣ» Славянское имя лучше объясняется Шафарикомъ, — «напражнѣ» — «напрежнѣе.» Извѣстно, что за теперешнимъ личнымъ порогомъ, въ которомъ ученые согласились видѣть седьмой Константиновъ порогъ, слѣдуетъ островъ Кухарскій. Не выходя изъ круга данныхъ, которыми мы обязаны Константину, мы объяснимъ этимъ обстоятельствомъ Русское названіе седьмаго Константинова порога. Константинъ сообщаетъ (*Ed. Bonn.*, p. 77—78), что плавающіе останавливались на островѣ Св. Григорія: найдя на немъ большое дерево (*παμμεγέθη δρῦν*), они приносили жертвы, гадали. Весьма естественны были эти станціи послѣ труднѣйшихъ переѣздовъ. Сосѣдство острова Кухарскаго (*Lehrberg, Unterss*, S. 375) могло подать плавающимъ поводъ къ отдыху. Весьма согласно съ этимъ важнымъ обстоятельствомъ Русское названіе седьмаго порога, если его разобрать слѣдующимъ образомъ: *Стрoυ*—слогъ — корень *stur*, *stiur*, *stior*, *styr* (*regere, gubernare*—*Dieffenbach*, V. W. *der Goth. spr*, II, SS. 334—335; *Biorn*, II, p. 347); *huinn* — *βου*. Послѣдній составной членъ имѣетъ, между прочими значеніями, выраженное слѣдующимъ образомъ Исландскимъ лексикографомъ: «*paratus, maturus*» и «*som*

er færdig med, har tilendebragt en Syssel.» На основаніи этого разложенія, Русское имя получаетъ значеніе слѣдующее: «navis directio» sive simpliciter «navigatio absoluta, confecta.» ¹

2. РАЗБОРЪ ИМЕНЪ, НЕСТОРОМЪ ПРИВОДИМЫХЪ И ТАМЪ И СЯМЪ
ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ.

Рюрикъ — Rurikr (съ обычнымъ опущеніемъ гортаннаго прид. предъ павною r): — на рунич. надписяхъ у Дитриха «Runen—Wörterbuch», S. 164.

Труворъ — Thorvar (съ перестановкой гласной при павной). Встрѣчается, какъ имя женщины, на руническихъ надписяхъ — Dietrich S. 69. Такое же образованіе возможно и для мужескаго рода.

Синеоусъ — Sikniutr (Dietrich. 1. 285). Знакъ именит. пад. r въ старину могъ звучать органически — s, особенно при t. Сложено, какъ Шихъбернъ въ договорѣ Игоря — Sihbiarn (Dietrich, S. 286), какъ Шимонъ (въ Печерскомъ сказаніи) — Sīkmunr (Dietrich, S. 286).

Свеналдъ (въ Лавр. спискѣ), Σφάγγελλος (у Кедрина и Льва Діакона), سونج (у Арабовъ. Charmoу, p. 395) — Suainaltr въ рунич. надпис. у Дитриха, S. 289. T вм. d по недостатку въ руническомъ алфавитѣ знака для средней зубной; r — знакъ именительнаго падежа. Слѣдовательно, основная форма — «Suainald».

Игорь — Iγγωρ (у Льва Діакона и Конст. Багрянор., Ed. Bonn., p. 74). Inger (Liutprand)—Ikker, Ikar, Inkkair (Дитрихъ, S. 207).

¹ Изъ изслѣдованій именъ пороговъ, явившихся послѣ изслѣдованій Лерберга (1823 г.) и Шафарика (1836), считаю излишнимъ назвать изслѣдованія гг. Цейса (Die Deutschen und die Nachbarstaemme; 1837, SS. 556—559) и Погодина (1846). Г. Zeuss принимаетъ всѣ поправки и догадки Лерберга. Впрочемъ, дважды онъ предлагаетъ свои объясненія, но, по нашему мнѣнію, весьма несчастливо. Онъ предлагаетъ въ 'Аеинар' видѣть Древне-Сѣверное названіе птицъ, по такое названіе, котораго онъ, по собственному признанію, не можетъ указать ни въ Древне-Сѣверномъ, ни въ какомъ другомъ нарѣчій Нѣмецкомъ. Безсиліе этого предположенія ясно само по себѣ. Въ другой разъ, вмѣсто Strondbun Лерберга онъ предлагаетъ Straumr vapp. Не говоря о первомъ членѣ, какъ породнить a съ и въ живомъ произношеніи? Г. Погодинъ (Изслѣдованія, замѣч. и лекціи, 2, стр. 71—87) ничего не сказалъ отъ себя.

... ἀνδρα τινὰ παρὰ Σχύθαις ἐπιστημότατον, Ἰκμορα (G. Cedrenus, Ed. Bonn., II, p. 405); Ibid., p. 406... τοῦ Ἰκμορος (Ikmoρος. c): Inki-mar, Inkemar, Ikimar, Ikmar, Inkmar (Dietrich, pp. 211—212).

Олегъ — Ольга (Ελγα. Konst. Barp. de caerr. et apud alios) — Heilhi, Hialhi—m.; Helha—f. (Dietrich, S. 174.)

Африканъ (Печерское сказаніе): Frūkūnr pro Frūkūthr (Dietrich, S. 7).

«Якупъ ту отбѣже луды златыя». Толкуемъ въ совершенномъ согласіи съ мнѣніемъ, высказаннымъ академикомъ Шёгреномъ въ прекрасномъ его сочиненіи: «Was bedeutet in den Russischen Chroniken unter dem jahr 1024 vorkommende wort «луда?» Mém. de l'Acad de S. P., 1834 г. 563—592 (1823 г.)

3. РАЗБОРЪ ИМЕНЪ СОБСТВЕННЫХЪ ПОСЛОВЪ ОЛЕГА И ИГОРЯ ВЪ ИХЪ ДОГОВОРАХЪ, СОХРАНЕННЫХЪ НЕСТОРОМЪ.

Прежде нежели приступимъ къ толкованію собственныхъ именъ, нѣсколько словъ о способѣ ихъ толкованія.¹ Старина этихъ именъ не многихъ изслѣдователей затрудняла. Убѣдившись путемъ историческихъ доказательствъ въ томъ или въ другомъ происхожденіи Руси, они часто искали, гдѣ было удобнѣе, гдѣ казалось легче, въ собственныхъ именахъ слѣдовъ того или другаго языка — и къ своему удовольствію находили ихъ. Чѣмъ ближе сопоставляемыя слова созвучили, тѣмъ болѣе рукоплескали они своему успѣху. Убѣждало одно непосредственное сопоставленіе. И часто оно убѣждало людей, умѣвшихъ оцѣнивать историческія свѣдѣтельства древности! Но таково ли должно быть отношеніе изслѣдователя къ древности въ области язычной? Имена, завѣщанныя намъ сѣдою древностью, по дошедшія до насъ черезъ поколѣнія писцевъ, сопоставляются, на примѣръ, съ Скандинавскою лексикою въ томъ ея видѣ, въ какомъ матеріалъ ея обработанъ лексикографами по началамъ правописи Раска, Гримма и другихъ ученыхъ! И этими подручными, не далекими средствами думаетъ

¹ Требованія отъ изслѣдователя подобнаго рода предметовъ старины мы высказали въ «разборѣ нѣкоторыхъ филологическихъ объясненій г. Костомарова», въ статьѣ «Начало Руси» (Лѣтописи Русской литературы и древностей. Кн. VI).

открыть истину и г. Миклошичъ, явившій новый образецъ подобной неметодичности въ своемъ изданіи Нестора (Vindobonae, 1860, pp. 188—198), гдѣ ученый издатель на десяти указанныхъ страницахъ смѣло рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи именъ числомъ съ 127 при пособіи «*Namenbuch*» г. Фёрстеманна и Куника. Особенно сомнительны таинственныя ссылки г. Миклошича на стр. 178, 2-го тома извѣстнаго сочиненія г. Куника, гдѣ любознательный читатель ничего не находитъ, кромѣ, исправленнаго, по разумѣнію автора, текста именъ Русскимъ гражданскимъ шрифтомъ и Латинскимъ.

Прислушаемся сначала къ одной сторонѣ: къ Древне-Русскимъ писцамъ. Писецъ рукописи Палѣи 1477-го г. (Синод. библ. № 210), дякъ Несторъ, послѣ описанія раздѣленія народовъ, потомковъ трехъ сыновей Ноя, при чемъ имена народовъ и странъ были имъ (конечно, при помощи его предшественниковъ) обезображены до непроницаемости безъ пособія Греческаго подлинника Георгія Амартола, или болѣе исправнаго Русскаго списка, присовокупляетъ на листѣ 69: «сказаша жъ книги всѣхъ языкъ племенъ сихъ, яже разсѣя господь по лицу всея земли Сима, Хама и Авета. Инии же языци неразумно языци прозвашася не по нашему языку: невѣдомыми языкъ менить я. Мы же глаголемъ порѣчїя языка своего, иже отъ Авета языци изыдоша и в части его сѣдять: ѿ варяжескъ» и пр. Мы должны имѣть въ виду эти искреннія слова: если имена, встрѣчавшіяся такъ часто нашимъ древнимъ начетчикамъ въ хронографахъ, были искажаемы, то тѣмъ болѣе мы должны, не заподозрѣвая заранѣе, искать критическихъ основаній въ оцѣнкѣ Несторовыхъ собственныхъ именъ, изъ которыхъ весьма многія составляютъ, такъ сказать, *ἄπαξ λεγόμενον* во всей нашей письменности.

Критическія основанія филологическаго испытанія собственныхъ именъ пословъ, занесенныхъ въ Несторовъ текстъ договоровъ, нужно признаться, шатки. Шаткость эта условливается семейнымъ отношеніемъ рукописей Временника. Разпочтенія именъ, представляемыхъ Софійскимъ Временникомъ, нѣкоторыми рукописными хронографами, во первыхъ, не многочисленны. Но эти скудные пособія заключеніямъ филолога, болшею частію не заставляютъ слишкомъ далеко итти для объясненія ихъ происхожденія. По нимъ ни какимъ образомъ нельзя установить твердаго

мѣрила для распредѣленія рукописей по семьямъ, въ обезпеченіе истины отъ произвола субъективнаго толкованія и догадокъ. Обращаясь къ Софійскому Временнику, мы, не принимая даже въ расчетъ нѣкоторыхъ извѣстій, подвергшихся совершенно иной, относительно Нестора, литературной переработкѣ (каковы: повѣсти о убіеніи Бориса и Глѣба, не смотря на одинаковость начала и конца), не принимая въ расчетъ ни замѣны нѣкоторыхъ Несторовыхъ извѣстій другими, изъ другихъ источниковъ, ни значительныхъ пропусковъ,¹ наблюдаемъ въ составѣ ея направленіе объяснительное, глоссаторское, какъ въ литературномъ, такъ и въ язычномъ, отношеніи: первое ясно изъ указанія на источники въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этого не считалъ нужнымъ Несторъ; такъ, на пр., въ извѣстіи подъ 6373 г. слова «якоже пишется въ лѣтописаніи гречьстѣмъ» (П. С. Р. Л., т. V, стр. 88), чего не находимъ у Нестора (изд. Тимковского, стр. 13); второе видно изъ постоянной замѣны древнихъ словъ новыми, болѣе понятными: вездѣ «останокъ» вм. «прокъ», «напредимъ» вм. «варимъ» и мн. др. Этимъ объяснительнымъ началомъ, вѣроятно, можно скорѣе всего объяснить нѣкоторыя разночтенія въ именахъ договора Соф. Временника. Такъ, на пр., видно, можетъ быть, и не преднамѣренное, невольное влеченіе ослабляивать звуки именъ въ разночтеніи, «Вельмудръ» (V, р. 94) къ имени «Вермудъ» (въ договорѣ Олега), «Груды» вм. «Гуды» въ договорѣ Игоря, знакомое «Явтягъ» вмѣсто «Явтягъ» Лаврентьевскаго списка. Также легко объясняются разночтенія, представляющія лишь перестановку слоговъ, какъ, на пр., «Турдибъ» вм. «Туръ-бидъ» Лавр. списка. Очевидное *парѡрама* именно извѣстнаго списка Софійскаго Временника видно въ притяжательномъ «Тулдовъ» вм. «Туадовъ» (Лавр. сп.), по сходству древняго начертанія *a* съ *u*; эту смѣну начертаній находимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ въ имени «Свентелдъ»—и «Свентеадъ» (V, стр. 97). Всѣ разночтенія, доселѣ въ Соф. Временникѣ усмотрѣнныя, не говорятъ ни о чемъ другомъ, кромѣ измѣненій позднѣйшей руки, и не даютъ своей рукописи никакого права на критическій авторитетъ, который могъ

¹ Происхожденіе ихъ не давнее, судя по разночтеніямъ списковъ: такъ рукопись XVI в., принадлежавшая Царскому, удерживаетъ многія извѣстія, пропущенныя въ другихъ.

бы ободрить испытателя именъ къ исправленію именъ Лавр. списка. Единственное разночтеніе, которое мы встрѣчаемъ въ Соф. Временникѣ, для котораго могутъ оказаться неудовлетворительными предшествующія объясненія, есть «Вруды», разночтеніе къ «Бруны» Лавр. списка. Но не можемъ и здѣсь удержаться отъ выраженія чувства недовѣрія къ критическому достоинству и этого разночтенія, при существованіи разночтеній, выше указанныхъ. Рукописные хронографы, содержащіе въ себѣ Несторовъ Временникъ, на столько же ничтожны въ этомъ отношеніи, не исключая и доступныхъ мнѣ списковъ (Синодальнаго и принадлежащаго проф. О. И. Буслаеву) хронографа Румянцевской семьи. Такимъ образомъ мы не находимъ ничего внѣ Лаврентьевскаго списка, не находимъ ничего, что бы, хотя и въ позднѣйшемъ спискѣ, указывало на подлинникъ, независимый отъ той семьи рукописей, которая ведетъ свое начало отъ Лавр. списка, доселѣ старѣйшаго. Не имѣя, слѣдовательно, чистаго источника исправленія, изслѣдователь тѣмъ осторожнѣе долженъ испытывать имена Лавр. списка.

Относительно другаго члена сравненія, мы совершенно чуждаемся того способа изслѣдованія, который считаетъ позволненнымъ сличеніе именъ не только съ новыми произведеніями ономастика, но привлекаетъ къ сравненію, не стѣняясь историческими и словообразовательными препятствіями, и всю лексику языка. Древній Несторовъ ономастиконъ можетъ быть сличаемъ съ Скандинавскимъ, лишь въ томъ его видѣ, въ какомъ дошелъ онъ до насъ въ руническихъ надписяхъ, вполне вознаграждающихъ свою лексическую скудость обиліемъ своего ономастика. Глубокою древностью отличаются только нѣкоторые изъ надписей. Но въ правописномъ отношеніи онѣ все одинаково важны. Самое изображеніе звуковъ этимъ самороднымъ, простымъ алфавитомъ, и до относительно уже поздняго времени ничѣмъ не осложненнымъ, содержитъ звуки языка въ прастаромъ ихъ видѣ. Колебанія, разночтенія, представляющіяся филологу въ вожделѣнномъ обиліи, въ данномъ случаѣ, гораздо дороже той неумолимой правильности, которую встрѣчаемъ въ лексиконѣ Біорна, правопись котораго была исправлена Раскомъ, или въ трудахъ Гримма, установившаго правопись Древне-Сѣвернаго словаря, на основаніи сравненій съ другими нарѣчіями Пѣмскими. Этимология такого древняго ономастика, въ массѣ сво-

ихъ явленій ясная, всегда во время предостережетъ отъ встрѣчаемыхъ въ руническомъ письмѣ лигатуръ тождественныхъ знаковъ и слоговъ, этихъ свѣдѣтелей глубокой древности руническаго письма. Самый составъ руническаго алфавита, по своей прастарой простотѣ, представляетъ перѣдкія, впрочемъ, уклоненія отъ правильнаго употребленія гласныхъ, даже и относительно основныхъ гласныхъ звуковъ—и, а, і и звука, помежнаго между гласными и плавными, изображаемаго руною г (деванагарская гласная г), нашедшихъ себѣ мѣсто въ искономъ руническомъ письмѣ. Эта особенность справедливо объясняется В. Гриммомъ (*Deutsche Runen*) древнимъ побужденіемъ рѣзателей рунъ болѣе намекать ими на составъ слова и на его произношеніе, нежели выражать вполне составныя части, которыя не представлялись имъ съ раздѣльною ясностью. Согласныя также имѣютъ недостатки: въ одномъ порядкѣ недостаетъ тонкой (губ. *p.*), въ другихъ—средней (зубн. *d* и горт. *g*). Но въ этой твердой, неподвижной составной части языка наблюдается возможная для руническаго алфавита опредѣленность, и выпускаются согласныя лишь по настоящему требованію благозвучія. Последнее обстоятельство весьма важно для изслѣдователя. Матеріалъ руническаго письма въ обиліи представляетъ г. Дитрихъ въ своемъ »*Runen-Woerterbuch*», изданномъ въ 1844 г. въ Стокгольмѣ. Когда лишь въ дополненіе этого чистѣйшаго источника Скандинавскаго ономадика, мы будемъ прибѣгать къ сагамъ.

Primoribus labris gustantes, мы увѣряемся въ достовѣрности и исконной принадлежности этихъ именъ извѣстному языку по одному тому, что въ тѣхъ изъ нихъ, которыя сложены изъ двухъ словъ, замѣчаемъ нѣкоторые общіе члены сложенія, въ тѣхъ же изъ нихъ, въ составъ которыхъ вошелъ одинъ корень, замѣчаемъ общія окончанія. Такъ, примѣры перваго, и именно по сходству втораго члена сложенія: Лидулфость, Вуефастъ и къ нимъ простое имя Фастъ изъ притяжательнаго Фастовъ; Шихъбернъ, Туръбернъ и къ нимъ простое — Бернъ, заключаемое изъ притяжательнаго Берновъ; Прасътѣнъ (и Прастѣнъ — дважды), Фуръстѣнъ. По первому члену сложенія: Турдуви, Туръбернъ, Туръбидъ, куда отнесемъ и Фуръстѣнъ на основаніяхъ, ниже изложенныхъ; Иггивладъ, Инъгелдъ (въ томъ и другомъ договорѣ по разу); Рулавъ, Руалдъ (Роалдъ),

Руаръ; Шихъбернъ, Шибридъ. Примѣры общности грамматическихъ окончаній въ именахъ простаго образованія: Карлы, Гуды, Слуды, Кары, Бруны, Моны. Эта черта внушаетъ съ перваго раза довѣріе къ такому филологическому памятнику, каковъ ономастикъ договоровъ: найдена уже грамматическая опора. Высоко цѣня ее, утвердимъ ее отдѣльными случаями.

Гуды. *Laxdaela-saga*. p. 100: «son Bárðar var Thorarinn, en dóttir hans Gudny» etc. *Skáldskaparmál* y Pfeiffer, *Altnord. Lesebuch*, S. 52. «Sigurdhr reidh thadhan ok kom til thess konungs er Gjüki het; kona hans er nefud Grimkildr, börn theirra vâru thau Gunnarr, Hödni, Gudhrun, Gudhny.» Издатель послѣдняго памятника въ глоссаріѣ (S. 247) раздѣляетъ имя такъ: Gudh-ny, обозначая его именемъ женскаго рода, что ясно изъ выше приведеннаго мѣста *Laxdaela-saga*. Раздѣленіе, предлагаемое г. Пфейфферомъ, также справедливо, ибо слово *gudh*, какъ нарицательное, означающее бога, встрѣчается въ *Gylfagining*, какъ собственное имя одной изъ Валькиріи въ слѣдующемъ опредѣленіи ихъ дѣятельности и значенія: «Gudhr oc Roto ok norn hin yngsta er Skuld heitir ridha jafnan at kjösa ok ráða vígum». Слѣдовательно, мы имѣемъ корень *gudh* корнемъ этого имени. «У и ŷ въ позднее время произносились какъ *i* и *i'*, и потому мы находимъ такъ часто въ рукописяхъ и изданіяхъ смѣшеніе обонхъ знаковъ» (Pfeiffer, S. 138; cf. Grimm, *iD. Gr.*, 1, S. 284). Въ Англ.-Сакс. нарѣчій уже въ древнѣйшихъ источникахъ *u* смѣняется съ *i*, откуда происходятъ двоякія ошибки: 1) порча начертанія и выговора исконаго *i*, и 2) смѣшеніе *u* съ *i* (Grimm, *D. Gr.*, 1, S. 228). Дѣйствительно, *u* въ концѣ этого имени едва ли бы себѣ нашло оправданіе, какъ явленіе перегласовки *u*, если принять этотъ слогъ за образовательный (т. е., слогъ *ny* въ имени *Gudhny*). Если наши соображенія вѣрны сами себѣ и матеріалу ихъ, то образовательная часть нашего имени должна быть сведена къ согласной плавной *n*, къ суффиксу женскаго рода *ni* (*i* = *ŷ* more *Islandorum*). Этотъ именной суффиксъ встрѣчается въ обилии въ Нѣмецкихъ нарѣчійхъ, не исключая и Древне-Сѣверное (Grimm, *D. Gr.*, 2, SS 161—163), а Древне-Сѣверное нарѣчіе имѣетъ ту особенность передъ другими соплеменниками своими, что часто неорганически вводитъ въ этотъ словообразовательный классъ именъ имена съ образовательнымъ окончаніемъ *i* (Grimm, *D. Gr.*, 2, S. 163). На

основаніи предположенныхъ соображеній я сличаю «Гуды» Олегова договора съ Сканд. именемъ *Gudhi*.

Такъ стараюсь я испытать это имя помощью средствъ внутренней экономіи Древне-Сѣвернаго языка. Скопленіе посредствъ, иногда дѣйствительно далекихъ, должно быть оправдано природой дѣла. Избѣгая ихъ, легко сопоставить созвучныя имена. Я слѣдую неизбѣжному правилу всякаго филологическаго испытанія, относится ли оно къ этимологіи, или къ критикѣ текстовъ: нужно извѣдать ближайшія средства объяснить предлагаемое внутреннею экономіею слова—по различнымъ правописаніямъ, или—мѣсто—по различіямъ. — Предложу еще опытъ предположительнаго объясненія. Имя *Gudhi* легко можно принять за составное имя изъ *gudh*, которое мы уже приводили, какъ собственное имя Валкири и *Ny*, встрѣчаемое въ *Völuspa* въ числѣ именъ *dverg* мужескаго пола и съ тѣмъ именно окончаніемъ, съ которымъ встрѣчаемъ имя *Gudh* у Нестора — съ окончаніемъ *i* — *Nyi* (*Völuspa* у Pfeiffer, 85, и мѣста изъ нея въ *Gylfagining. Ibid.*, 8. 33). Встрѣтивши второй членъ составнаго имени съ окончаніемъ *i*, не трудно предположить существованіе и перваго его члена съ тѣмъ же окончаніемъ, хотя мы доселѣ и не нашли его въ сагахъ.

Руническія надписи даютъ намъ ближайшее разъясненіе, хотя въ нихъ мы и не встрѣчаемъ собственнаго имени этого корня въ простомъ его образованіи. Сложныхъ именъ, первый членъ которыхъ состоитъ изъ этого корня, встрѣчаемъ числомъ до 18 и между ними одно, удержавшее образованіе Гуды — сложное имя *Kuthiliufr* (*k* вм. *g*, котораго нѣтъ въ руническомъ алфавитѣ — Dietrich, p. 112), составъ котораго весьма ясенъ и переводится Дитрихомъ (l. l., SS. 363—364) — «*Gott vertrauend.*» — *Kuthi-Guthi-Gudhi* (по недостатку знака средней придыхательной зубной въ рунич. алф.), извлекаемое изъ этого сложнаго имени, не подлежитъ никакому сомнѣнію, которое бы, можетъ быть, захотѣли навлечь на него, опираясь на скитаніе руны гласныхъ, ибо косвеннаго надежа, въ которомъ его гласное окончаніе подверглось бы блужданіямъ, довольно обычнымъ въ рунахъ, въ первомъ составномъ членѣ сложнаго имени предполагать никакого права не имѣемъ.¹

¹ И при томъ замѣтимъ то чрезвычайной важности явленіе, что гласныя блуждаютъ лишь въ корняхъ собственныхъ именъ въ руническихъ надписяхъ,

Кары. Laxdaela—saga, p. 152: Kári hét son Hruts; Kári sofnaði naerr ecki; Kári spratt upp ok sá út. — Достаточно. — Признаемся, не понимаемъ, что хочетъ сказать г. Куникъ своимъ Кар, и не видимъ даже откуда онъ его взялъ, хотя бы сами могли указать, если бы, конечно, предвидѣлась въ томъ нужда (Ueber die Berufung, II, SS. 178, 194). Не менѣе въ ходу это имя и въ руническихъ надписяхъ въ формѣ Kari (Dietrich, SS. 144 — 145).

Бруны: Bruni (Dietrich, l. l., p. 346), встрѣчающееся на пяти надписяхъ въ винительномъ падежѣ въ формѣ Bruna. Въ подтвержденіе сложенія Kuthiliufr приведемъ сложное Brunulfr во всѣхъ встрѣчающихся различіяхъ: Brunulfr, Bruniulf (acc.), Bruniulfr дважды (Dietrich, ibidem). По этимологii, корень тождественъ съ нашимъ «броиля».

Слуды: Sluthi («der Nachlaessige.» Dietrich, l. l., SS. 311 — 312): Slothi. lit. kiarva. sant. i ar. thit. sum. sak. at var. auk sum. hvat. var. thát.

Карлы. Собственное имя Karl весьма часто попадаетъ на руническихъ надписяхъ; въ различіи—Karli (Dietrich, l. l., S. 145).

Моны. Г. Куникъ на неизвѣстныхъ основаніяхъ исправляетъ это имя и пишетъ Монъ. Г. Миклошичъ, кажется, принимаетъ это исправленіе (Nestor, I, p. 193), прибавляя — «máni (luna) ne confegas». Но именно съ этимъ словомъ болѣе всего можно слѣчать наше имя, ибо на руническихъ надписяхъ оно встрѣчается въ значеніи собственного имени (Dietrich, l. l., SS. 382 — 383). Переходъ *a* въ *o* на страницахъ Древне-Русской Лѣтописи менѣе всего можетъ служить препятствіемъ къ сближенію.

Доселѣ полное согласіе именъ договоровъ съ именами сагъ и руническихъ надписей, какъ относительно кореннаго состава ихъ, такъ и относительно грамматическихъ окончаній. Судя по точно-

окончанія же вездѣ неумолимо правильны: окончаніе дат. пад. ед. ч. *i*, винительнаго *a*; имен. пад. имѣетъ образованіе посредствомъ гл. *i*. Ни въ одномъ изъ названныхъ грамматическихъ случаевъ мы не замѣтили ни одного отклоненія въ надписяхъ. — явленіе, устраняющее и тѣмъ сомнѣнія относительно Kuthi, извлекаемого изъ сложнаго имени Kuthiliufr.

¹ Надпись эта весьма темна, за исключеніемъ первыхъ 3-хъ и послѣднихъ 3 словъ. Дитрихъ, на стр. 299, ее трудно толкуетъ. Судя по раздѣлительнымъ знакамъ, она не стара.

сти передачи коренныхъ гласныхъ, вполне оправдываемыхъ этимологіей словъ, вошедшихъ въ составъ этихъ именъ, должно думать, что Греческій текстъ договоровъ ¹ былъ переданъ на Древне-Русское нарѣчіе въ самую эпоху ихъ заключенія, ибо для такой точности нужно было имѣть переводчику ихъ самый живой слѣдъ ихъ произношенія. Въ противномъ случаѣ, необходимо долженъ бы былъ оказаться слѣдъ или Греческой транскрипціи, или (болѣе далекая возможность) неяснаго, неточнаго руническаго ихъ обозначенія. Слѣды живаго употребленія звуковъ Скандинавскихъ именъ замѣчаемъ ясно на имени, корень котораго имѣетъ въ своемъ составѣ элементъ, могущій быть особенно сильнымъ представителемъ Скандинавской согласности (консонантизма): мы разумѣемъ Древне-Сѣверный *thurs* (*th*). Раскъ опредѣляетъ его звукъ Новогреческою θ и Англійскимъ сочетаніемъ зубнаго придыханія *th*. Это его мнѣніе безусловно принято Я. Гриммомъ (*D. Gr.*, I, p. 316). Дѣйствительно, есть и для древнѣйшаго времени доказательства такого произношенія зубнаго придыханія въ самой глубинѣ Нѣмецкой древности: у Прокопія (552 г.) встрѣчаемъ θ передающее Нѣмецкую *th*, на пр., *Θεοδορίχος* и пр. Въ Страбоновой *Θουσαγῆται* Я. Гриммъ признаетъ Нѣмецкое имя женское *Thursinhilda* (*Gesch. der D. Spr.*, B. I, S. 298, 1-е изд.). И наконецъ, если признать справедливыми историческія доказательства Гриммова мнѣнія объ этнографическомъ отношеніи Оракійскаго племени къ Скинскому, а чрезъ него и къ Нѣмецкому, увидимъ Греческую транскрипцію Нѣмецкаго Турса и въ имени *Θουσαγῆται* (= *Thursagetae* l. l., S. 225, S. 156, 1-го изд.) и тождество зубнаго звука въ народномъ имени Оракійцевъ съ таковымъ же въ Нѣмецкихъ древнихъ именахъ *Thrasamunt*, *Thrasaberht*, изъ которыхъ первое имя своимъ первымъ членомъ представляетъ большую близость къ Древне-Сѣверному *thrōsa*, нежели къ Гот. *thras* (*Grimm*. l. l., S. 136 и **. Не смотря на все уваженіе къ авторитетамъ, мы, не оставляя принятаго метода, оживимъ это положеніе руническими случаями. Руническій алфавитъ содержитъ въ себѣ знакъ для зубнаго придыханія и даетъ ему даже имя (*thur's*), а надписи, писанныя имъ, предста-

¹ См. убѣдительное изслѣдованіе г. Н. Лавровскаго «О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками.» 1833.

вляють въ желанномъ обилии примѣры его употребленія въ собственныхъ именахъ, особенно въ многочисленныхъ собственныхъ именахъ, имѣющихъ первымъ членомъ своего сложенія мифологическое имя *thur* (= *thór*). Но замѣчательно, что, наряду съ этими многочисленными случаями употребленія Турса, встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ, представляющихъ зубную тонкую вмѣсто придыхательной въ тѣхъ самыхъ собственныхъ именахъ, въ которыхъ послѣдняя употребляется органически; такъ, изъ сложенныхъ съ *thur* — *thurbiarn* (Dietrich, l. l., p. 66) встрѣчается съ тонкою *torbiarn* (Ibid., S. 320), *Toarvi* вм. *Turvi*, т. е., *thurvi* (Ibidem); *Tusti* замѣняется по другой надписи формой *thusta* въ винит. пад.: *Tubi* по другимъ надписямъ *thobg* и пр. Непосредственность, безыскусственность, съ какою передавались звуки руническимъ алфавитомъ, ручается за то, что смѣшеніе тонкой зубной съ придыхательною не было плодомъ грамматическаго сознанія ихъ родства, а что эта пожежность обоихъ звуковъ дѣйствительно, слышалась въ произношеніи. На этомъ основаніи мы считаемъ себя въ правѣ отождествлять слоги Фуръ и Туръ въ собственныхъ именахъ Игорева договора: Фуръстѣнъ, Туръбидъ, Туръберѣцъ, Турдуви, Турдовъ. Вторые члены этихъ сложныхъ именъ весьма ясны: *stain* и *biarn* являются вторымъ членомъ сложенія въ именахъ, численность которыхъ должно считать десятками, *bithg* — также весьма часто. Специально въ сложеніи съ *thur* (*thór*) встрѣчается *stain* весьма часто на надписяхъ (Dietrich, l. l., S. 66). Во второмъ членѣ сложнаго имени Турдуви мы видимъ вторичное образованіе слова *thius* (служитель) съ отброшеннымъ знакомъ именит. падежа. *s*, который, равно какъ и, замѣняющій его, *r* въ большей части именъ договоровъ выпущенъ, образованіе родственное *thivi*, Англос. *theova*. Предположеніе наше подтверждается существованіемъ собственного имени женскаго рода *Thortisa*, *Hulmtis*, *Pithintis*, *Pialmtis*, *Arntis* (Dietrich, l. l., SS. 164, 167, 172, 237), которыхъ второй членъ основательно производится Дитрихомъ отъ одного корня съ *thius*, *thivi*, англос. *thý*, *theova* (l. l., SS. 70, 328). *Thortisa* рунической надписи означаетъ «поклонница, служительница Тора»: Турдуви Игорева договора «поклонникъ служитель Тора.» ¹ Первый членъ сложеніе — *thor* — на-

¹ О смѣнѣ *t* и *d* въ Слав. собств. именахъ см. Šaf. Slow. Starož., str. 352.

блудается также и въ имени Фарлофъ, которое сличимъ съ Скан. *Thorolf*, весьма часто встрѣчающимся въ сагахъ. Въ руническихъ надписяхъ встрѣчаемъ два имени, съ которыми можно сравнить имя Фарлофъ: *Thugulfr* («Торовъ, Тору посвященный волкъ». Dietrich, l. l., S. 64) и *Thuralf* («Тору посвященный гений» (Ibid. S. 66).

Тотъ же второй членъ, что и въ Турдуви, видимъ въ сложномъ Амниподовъ, хотя, признаемся, не беремъ на себя объяснить первый членъ сложенія. Г. Миклошичъ исправляетъ это собственное имя въ форму Амоунъдовъ, дѣлая изъ него притяжательное, относящееся къ предшествующему имени Истръ (*Nestor*, I, p. 25). Ради этого мнѣнія своего, г. Миклошичъ рѣшился не только исказить послѣдовательность отношенія притяжательныхъ именъ къ именамъ, ими опредѣляемымъ, но и вставилъ цѣлое имя «Войсть», къ которому бы относилось притяжательное Войковъ, не оправдывая этого ничѣмъ въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ (Ibid., p. 204). Въ порядкѣ именъ есть, дѣйствительно, перерывъ: сначала въ строгой послѣдовательности идутъ имена притяжательныя за именами, ими опредѣляемыми «до Егрии Евлисковъ» (*sic pro* «Егрии Евлисковъ». *Micl.*), а за тѣмъ, *ordine inverso*, имя притяжательное предшествуетъ имени, имъ опредѣленному, въ такомъ порядкѣ — «Войковъ Истръ» — а за тѣмъ имя безъ притяжательнаго Амниподовъ, чему примѣръ встрѣчаемъ и выше, ибо при имени Шихъбернъ не встрѣчаемъ притяжательнаго. *Ordo inversus* именъ повторяется также и ниже, при имени Сфирка, которое имѣетъ свое притяжательное Стеггнетоновъ предшествующимъ, хотя и этѣ двѣ негладкости при именахъ — Сфирка и Шихъбернъ сглаживаетъ г. Миклошичъ. Но всѣ эти исправленія сами по себѣ не могли бы существовать. Ихъ существованіе условливается появленіемъ имени, котораго не усматриваемъ на харатинъ Лаврентьевскаго списка, имени «Войсть», искусственнымъ образомъ составленнаго изъ начальныхъ слоговъ двухъ послѣдующихъ именъ — Войковъ и Истръ, рядомъ стоящихъ. Этотъ критическій приѣмъ, основанный на лигатурѣ тождественныхъ слоговъ, пользуется большимъ расположеніемъ критиковъ трудныхъ мѣстъ, но нужна осторожность въ его употребленіи. Осторожные критики употребляютъ его, строго и точно соображаясь съ контекстомъ. Г. Миклошичъ избралъ его орудіемъ насилія, претворивши

этимъ пріемомъ порядокъ послѣдовательности именъ, хотя и неправильный, въ порядокъ съ, желанною для исправителя, правильностью. Но законно ли такое подчиненіе древности нашимъ причудамъ?

Возстановимъ нашу этимологическую ткань. Показавши возможность тождества слога Фуръ съ слогомъ Туръ, мы сопоставимъ это объясненіе съ объясненіемъ подобиозвучащихъ имъ, хотя этимологіею своею и различающихся именъ. Говоримъ объ именахъ Фрастѣнъ и Прастѣнъ. Имъ находимъ соотвѣтствующее имя въ руническихъ надписяхъ въ имени Fraistain, правильная и господствующая форма котораго имѣетъ на надписяхъ слѣдующія различія: Frustin 4 раза, Frusten 1 разъ, Fru-stain 3 раза, Fraüstin 1 разъ, Fraustain 2 раза (Dietrich, l. l., S. 10). Въ какомъ отношеніи къ послѣднему имени состоитъ имя Прастѣнъ, трижды встрѣчающееся въ договорѣ Игоря? Прямыхъ, дипломатическихъ доказательствъ ихъ тождества представить мы не можемъ; но представимъ соображенія, могущія дать ему извѣстную степень вѣроятія. Произношеніе придыхательной губной въ Древне-Сѣверномъ шатко. Нѣкоторыя группы согласныхъ съ *f* смѣняются безпредѣльно. На руническихъ надписяхъ, на примѣръ, мы постоянно встрѣчаемъ наряду съ *aftar* — *abtar*, *ibtir*, *btir*, а съ появленіемъ Датскихъ, пунктированныхъ, т. е., Вальдемаровыхъ рунъ, пополнившихъ недостатокъ губной тонкой, встрѣчаемъ и *artir*, *iptir* (Dietrich, passim; W. Grimm, Deutsche Runen; J. Grimm, D. Gr., I, SS. 309 — 313). Но приблизимъ дѣло къ нашему случаю, представляющему группу *fr. F* произносится какъ твердая *b*. *v* только «auslauteud und vor unwesentlichem *r*» (D. Gr., I, S. 310), т. е., когда послѣднее въ именительномъ падежѣ именъ замѣняетъ собою его знакъ *s*. Передъ плавными же *l*, *n* — *f* произносится какъ твердое *b*, почти какъ *bb* (J. Grimm, l. c.).

Г. Миклошичъ произвольно поправляетъ притяжательное Туадовъ въ Троуадовъ. Мы оставляемъ исконное чтеніе Лаврентьевскаго списка. Сначала, — первый членъ сложенія — Тоу. Его основательно можемъ произвести отъ одной изъ двухъ формъ сущ. имени *thiod*, попадающихся на руническихъ надписяхъ. Самая обыкновенная есть *thiuth* въ именахъ—*thiuthmunt*, *thiuthburh* (Dietrich, l. c., S. 73). Другая форма встрѣчается отдѣльно въ

начертаніи *thū* (*Ibidem*, S. 62). Отъ этой формы производимъ первый членъ сложнаго имени Туадъ. Во второмъ членѣ сложенія мы видимъ руническое *aiths*, по древней рунической правописи, согласной съ Ульффиловой «*aiths*,» отличной отъ современной, принятой *eidhr*. Вотъ наши основанія. Скандинавская доегласная *ei*, подобно перегласованной *ae*, произошла изъ доегласной *ai*, которая въ своемъ развитіи приняла два различные пути. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уподобилась Англо-Саксонской *ā*, она, жертвуя вторымъ членомъ своего состава (*i*), оставляетъ лишь первый (*a*) въ его долготѣ (*ā*). Отсюда ведутъ свое происхождение формы: *ā* (*habet*) отъ *eiga* (Гот. *aih*, Акс. *āh*), *bādhir* (*ambo*), *sāl* (*anima* Акс. *sāvl*, Гот. *savil*), *sār* (*vulnus* — *sār* Акс., Гот. *saïs*).¹ Зная это свойство Древне-Сѣверной доегласности, рѣшаемся на то предположеніе, что въ X-мъ вѣкѣ она была слышна въ произношеніи и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ правописъ гг. Бюрна, Раска, Гримма, Шейффера и др. устанавливаетъ доегласную *ei*, и тѣмъ болѣе, что на руническихъ надписяхъ встрѣчаемъ безъ исключеній форму *aith*, изъ которой родятся оба измѣненія и *ā* и *ei*. Употребленіе ея въ сложныхъ собственныхъ именахъ, и именно вторымъ ихъ членомъ, совершенно обезпечивается слѣдующими руническими случаями: *thorraithir* («*der dem Gotte Thor geweihte.*» *Dietrich*, I. I., S. 69), *Rothaithir* («*der dem Ruhme verpflichtet.*» *Ibid.*, S. 91). На изложенныхъ основаніяхъ я предлагаю производить собственное имя Туадъ, какъ сложное, отъ *thū* и *aith*, что значитъ «*populo sacratuſ.*» — Я думаю объяснить и притяжательное «Тудковъ», какъ ославянненное Туадъ, въ которомъ тяжѣлое для Славянскаго уха звѣніе стерлось. Это имя, какъ *patronimicon*, встрѣчается въ Ипатьевской Лѣтописи въ формѣ Тудковичъ. (Полное Собраніе Руск. лѣтопис. т. II, стр. 13 подъ 1136 г. (6644): «*яша бояръ много: Давыда Яруновича тысяцскаго, и Станислава Доброго Тудковича.*» Что это имя не было исконнымъ Славянскимъ, видно изъ того, что рукописи Ипатьевской Лѣтописи, именно Хлѣбниковская и Ермолаевская, представляютъ различіе «Тудковича», чего при имени Славянскаго происхожденія ожидать трудно.

¹ J. Grimm, D. Gr., I, S. 286.

Обращая вниманіе на грамматическія окончанія, не могу не остановиться на имени Явтягъ, окончаніе котораго несомнѣнно тождественно съ Шмецкимъ окончаніемъ въ именахъ Варягъ, Корлязи (средневѣковое *Charalingi* IX—X вв.). Но въ какомъ значеніи употребленъ здѣсь этотъ суффиксъ? Въ рунахъ, если не ошибаюсь, именъ собственныхъ личныхъ съ такимъ суффиксомъ не встрѣчается. Самое обычное его назначеніе, которое было бы близко къ нашему случаю, есть назначеніе отличать имена отечныя и родовыя, что, по общію случаевъ, не требуетъ доказательствъ (*Grimm, D. Gr., 2, S. 350*). Но что же представляетъ собою начало имени «Явт»? Мы указывали въ началѣ нашего изслѣдованія объ именахъ договоровъ, что писецъ Софійскаго Временника измѣнилъ это имя въ болѣе привычное для его уха, народное имя Ятвягъ. Недалекіе отъ этой первобытной произвольности, изслѣдователи и прошлаго и нынѣшняго вѣка искажаютъ это имя въ Астагъ (Татищевъ, Миклошичъ), Ътткагъ (Купникъ). Но повторимъ еще разъ: незаконно насиловать древнѣйшую, представительнѣйшую рукопись, какова Лаврентьевская, прежде нежели выйдемъ въ дѣло. Выйти въ дѣло древности, къ какой бы области жизни народной оно не относилось, трудно и требуетъ часто очень далекихъ посредствъ, слѣдовать и довѣрять которымъ способенъ лишь посвященный. Эти далекія посредства условлены самой природой дѣла и могутъ быть гораздо вѣрнѣйшимъ руководителемъ на пути къ достиженію истины, нежели порча единственнаго и драгоценнѣйшаго рукописнаго авторитета. Мы понимаемъ имя Явтягъ, какъ родовое отъ собственнаго — *Haufthi*, встрѣчающагося на рунической надписи (*Dietrich, l. c., S. 176*), какъ имя собственное мушны, на основаніяхъ, которыя поспѣшимъ изложить. Сначала возьмемъ двѣ первыя буквы *ha* и сопоставимъ ихъ съ *h* Лаврентьевской рукописи. Горланное придыханіе *h* въ Древне-Сѣверномъ нарѣчій весьма часто опускается, не только при различныхъ благозвучныхъ условіяхъ въ концѣ, срединѣ словъ, но и въ началѣ ихъ, въ сложныхъ словахъ и предѣ *l, n, r* (*Grimm, D. Gr., I, S. 324*). Но примѣровъ исчезновенія *h* передъ гласными новыя изданія не представляютъ, хотя руническія надписи говорятъ за него, что видно изъ различій къ собственному имени *Haursi* въ вин. над. *Aursa* (*Dietrich l. l., S. 176*), къ нарѣчію *hartha* — *artha* и пр.

Если предположить *h* выпущеннымъ, на основаніи приведенныхъ руническихъ случаевъ, то *j* при *a* объясняется Славянскою особенностью нелюбви къ гласному подъему словъ. Но есть другой, еще болѣе оправдываемый, путь объясненія. И передъ гласными въ Древне-Сѣверномъ нарѣчій обращается въ *j*. Я. Гриммъ извлекаетъ это свое положеніе изъ Древне-Сѣвер. члена — *hin*, *hin*, *hit* вмѣсто древнѣйшаго *inn*, *in*, *it*, или *ēnn*, *ēn*, *it* (Гот. *jains*, Дви. *jēnēr*, *ēnēr*), изъ примѣра *hiḡmin*, *hērmin*, наряду съ *iḡmin*, *ērman*, — Древне-Сѣвер. *iōḡmin*, Анск. *ēormen* (Grimm., D. Gr., I. S. 324 и 2-е прим. къ ней). Приведемъ въ подтвержденіе этому Гриммову положенію рунические случаи, думая этимъ оправдать и вообще то довѣріе, съ которымъ мы къ нимъ относимся: на руническихъ надписяхъ встрѣчаемъ собственное имя *Jurtr* (Dietrich, I. I., S. 199) = *Jiurtr* вмѣсто *Piurtr*, *Jarthan* вмѣсто *harthan* (Ibidem, S. 214). Мы вообще предпочитаемъ второе объясненіе и въ силу его отождествляемъ слогъ *Ga* Сѣвернаго имени слогу *Ĭa* Лавр. рукописи въ имени *Ĭктагъ*. Если взять дифтонгъ *ai* въ соб. имени *Haufthi* и, произведенномъ отъ него, отечномъ или родовомъ *Haufthing*, то и онъ не можетъ быть препятствіемъ сближенію послѣдняго съ «*Ĭктагъ*», потому, во первыхъ, что удареніе въ этомъ Древнемъ-Сѣверномъ дифтонгѣ лежитъ на *a* (*áu*), во вторыхъ по тому, что между руническими видоизмѣненіями этого дифтонга встрѣчаются и усѣченія второго его члена, какъ, на пр., *Athvatr* вмѣсто *Authvatr* (Dietrich, I. I., S. 224), *ak*, *ah* вмѣсто *auk*. Намъ возразить, можетъ быть, тѣмъ, что вѣдь гораздо болѣе такихъ руническихъ случаевъ, въ которыхъ отбрасывается первый членъ дифтонга (*a*) и остается одинъ второй (*u*). Вотъ нашъ отвѣтъ воображаемому противнику. Весьма рано появляется въ Древне-Сѣверной письменности смѣшеніе дифтонга *ai* съ смѣшаннымъ звукомъ *ō*. Изъ рукописей это смѣшеніе перешло въ изданія и вполнѣ господствовало въ изданіяхъ XVII — XVIII в. Образцемъ изданій въ этомъ родѣ могутъ служить изданія Перингскіюлда въ концѣ XVII-го вѣка, чтеніе которыхъ, въ слѣдствіе этой и многихъ другихъ, подобныхъ, особенностей, весьма трудно. Правильному различенію обоихъ звуковъ положили прочное основаніе Біорнъ и Раскъ. Тоже смѣшеніе господствуетъ и въ рунахъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что, не имѣя средствъ выразить смѣшанный звукъ *ō*, рѣ-

щики рунъ замѣняли его или однимъ *и*, либо прибавляли къ нему руну *і*. Въ послѣдствіи, съ введеніемъ Вальдемаровыхъ рунъ, когда недостатокъ восполнился руною *о*, то и прежнія обозначенія смѣшаннаго звука *ѳ* уступили этому послѣднему, болѣе свойственному смѣшанной природѣ звука *ѳ*.¹ Итакъ, рунические случаи съ однимъ *и* ни какъ не могутъ ослабить значенія случаевъ руническихъ съ однимъ *и* изъ дифтонга *аи* *ц*, заключаемъ, послѣдніе остаются въ полной своей доказательной силѣ. Но довольно объ этомъ.²

Л и б и а р ъ. Второй членъ этого сложнаго имени есть видоизмѣненіе Древне-Сѣвернаго *Biagn*, столь часто употребляющагося въ сложныхъ именахъ, что весьма мало корней можно указать, употребляемыхъ для образованія сложныхъ именъ, не принимающихъ имени «*Biagn*» вторымъ членомъ сложенія. Опусценіе конечнаго *и* оправдывается руническими случаями, каковы: *biug*, *biog*, *beir* (Dietrich, I. I., p. 349). Въ слогѣ *ли* мы видимъ корень формы дат. пад. мѣстнаго имени *Lū (um)* (Dietrich, I. I., S. 359), означающаго убѣжище, въ сложеніи, съ которымъ имя означаетъ «защитникъ жилища, берлоги, убѣжища».

Мутуръ Утинъ. Притяжательное Утинъ не долго насъ задержитъ. Въ руническихъ надписяхъ встрѣчается имя собственное мущины въ частомъ употребленіи—*Utr* (Dietrich, I. I., S. 56), представляющее, какъ разночтеніе, форму *Uti* (Ibidem). Мутуръ имя трудное для этимологическаго объясненія. Судя по притяжательному, и оно, вѣроятно, Сѣвернаго происхожденія. Корня указать не можемъ. Такъ какъ это имя, на сколько мнѣ извѣстно, въ Сѣверной Исторіи не встрѣчается, то, какъ неизвѣстное, оно было мало освоено и перешло въ нашъ списокъ пословъ съ Сѣвернымъ окончаніемъ. Окончаніе на *иr* въ Древне-Сѣверномъ

¹ Примѣры см. у Дитриха I. I., SS. 224—231. О происхожденіи звука *ѳ* и *о*, его отношеній къ фонетикѣ другихъ Нѣмецкихъ нарѣчій см. Гримма D. Gr., I, SS. 293—295.

² Послѣ этихъ подробныхъ доказательствъ можемъ безъ смущенія указать, какъ на ошибку въ Лаврентьевской рукописи, рядомъ дважды повторенное народное имя «Явтяги» вмѣсто Ятвяги Никон. и Кёнигсб. списковъ въ слѣд. мѣстѣ (изд. Тимк. стр. 50): «Иде Володимѣрь на Явтяги, и побѣди Явтяги» и пр.

нарѣчій употребляется неорганически вмѣсто окончанія *ar* (= *r*); *akur* вм. *akr* (изъ *akar*). Это *ur* господствуетъ во всѣхъ старыхъ изданіяхъ. Съ Біорна и Раска стали правильно различать этѣ производящія гласныя. Примѣромъ ихъ стараго употребленія могутъ служить часто упоминаемыя изданія Перрингекюлда (cf. Grimm, D. Gr., I, SS. 651, 658; III, S. 507 — 508 et passim). По слышно ли было это смѣшеніе еще и въ X-мъ вѣкѣ?

Адунъ (купецъ). На основаніи разъясненій, въ которыя насъ повлекло толкованіе имени Явтягъ, и именно на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ доегласной *ai*, мы производимъ имя Адунъ отъ Древне-Сѣвернаго имени Audun. Это имя встрѣчается, на пр., въ Laxdaela saga, p. 162 (въ род. пад.): (Annar son) Audunnar (hét Thorgrímur hærnkollr); p. 230 (въ имен. пад.): (skip stóð uppi í Biarnarhöfn, er atti) Audun (festar garmr); въ Orkneyinga saga p. 302: Audun (hinn Raudi). Но рождается вопросъ объ отсутствіи признаковъ перегласовки по вліянію *u* въ образовательномъ окончаніи *un*. Разрѣшается онъ весьма просто: *un* здѣсь также неорганически употребляется вм. *an*, какъ и *ur* неорганически употребляется вмѣсто *ar* (= *r*), а неорганически возникшія, образующія гласныя не перегласовываютъ гласную предшествующаго имъ слога (cf. Grimm, D. Gr., I, SS. 651, 658, II, S. 158). И, дѣйствительно, на руническихъ надписяхъ мы встрѣчаемъ древнюю форму этого соб. имени *authan* въ разночтеніяхъ.

Алданъ, вѣроятно, притяжательное отъ Алданъ, встрѣчаемаго въ томъ же договорѣ на шестомъ отъ конца мѣстѣ. Г. Миклошичъ справедливо слагаетъ его съ Сѣвернымъ собственнымъ именемъ «Halfdan» (у Саксона еще «Haldan»). О выпускѣ гортаннаго придыханія въ началѣ передъ гласною мы уже говорили. Въ сагахъ это имя попадаетъ часто. Изъ руническихъ надписей мы можемъ извлечь форму, весьма близкую къ той, въ которой оно занесено во Временникъ Нестора. Вотъ рунические случаи: Alftan, Alfton, Halften, Haltan. Если мы на послѣднее разночтеніе (опускающее *f*, какъ Саксонъ) перенесемъ черту перваго и 2-го (выпускъ горт. прид.), то получимъ форму Alton, гдѣ *t* замѣняетъ *d*, но недостатку послѣдней руны въ руническомъ алфавитѣ, или, слѣдовательно, Aldan.

Иггивладъ. Предположимъ ли мы, что переводчикъ договора руководствовался Греческою правописью подлинника въ написаніи

нии этого имени, на основаніи удвоеннаго г—гг, вмѣсто нг, или нгг? Нѣтъ, это уединенное данное недостаточно! Всего естественнѣе и ближе то предположеніе, что одинъ изъ нисцовъ употребилъ это удвоеніе, привыкши употреблять его при переписываніи произведеній духовной литературы. Сѣверная этимологія этого имени насъ долго не задержитъ. На руническихъ надписяхъ встрѣчаемъ имя Jnkvalr, съ разночтеніями Inkivaltr, Inkihvaltr, Ihvaltr и пр.

Ингельдъ — Игельдъ, имя, которымъ наполнены Сѣверныя саги. Въ руническихъ надписяхъ также встрѣчается оно, — и замѣчательно, что и руническія надписи пишутъ начальнѣй слогъ весьма часто безъ *n*, именно въ отношеніи 4: 4: Inkialt (acc.), Inkialti, Ingal, Inialt: Ikialtr, Igialtr, Ikialt, Ikalt.

Стиръ. Слигаемъ это имя съ Древне-Сѣвернымъ именемъ Stur, ибо произношеніе его коренной гласной не было чистое *u*, а *ũ*, или *y*, руной котораго звука она и стала обозначаться со введеніемъ пунктированныхъ Вальдемаровыхъ рунъ, давшихъ возможность болѣе точныхъ обозначеній отгѣнковъ въ произношеніи гласныхъ, какъ это ясно изъ начертанія сложнаго stürkair. Припомнимъ также исконное смѣшеніе *y* съ *i* въ Древне-Сѣверной правописи.

Гомоль—въ древнихъ руническихъ надписяхъ встрѣчается, какъ имя собственное мужчины, въ формѣ Kamal, по отсутствію въ нихъ *g*, а, съ появленіемъ Вальдемаровыхъ рунъ, встрѣчается gamla (въ род. пад.).

Фудри. Сличаемъ съ собственнымъ именемъ Futr, встрѣчающимся на руническихъ надписяхъ, воспринятомъ въ Несторовомъ ономастикѣ съ окончаніемъ именительнаго надежа (Dietrich, I. I., S. 4).

Адулбъ, — на основаніи данныхъ, изложенныхъ при производствѣ имени Явтягъ, касающихся усѣченія втораго члена дифтонга *au*, сличаемъ съ Сѣвернымъ собственнымъ именемъ Audhulfr, Англос. éadwulf, согласно съ г. Миклошичемъ (Nestor, I, p. 188).

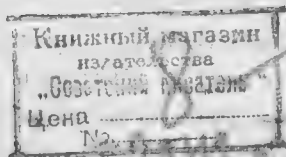
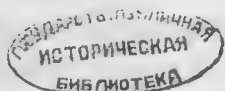
Гунаръ, имя собственное, личное, извлекаемое изъ притяжательнаго Гунаревъ, и Гунастръ. Первое имя представляетъ простое образованіе gud, или gudar (битва), имѣющее прямое себѣ соотвѣтствіе въ формѣ kunnar, попадающей въ руническихъ

надписяхъ (Dietrich, l. l., S. 115). Ничто не побуждаетъ видѣть въ этомъ сложнаго имени Gunn-harr. Въ сложномъ имени изъ этого простаго, Гунастръ, г. Миклошичъ видитъ Скандинавское сложное Gunnfasir. Не находимъ побужденій возражать.

Емигъ. Сличаемъ это имя съ Скандинавскимъ Híminkr (*k* вм. *g*, по отсутствію рунич. знака для послѣдняго звука) Для выпущенія въ произношеніи гортаннаго придыханія въ началѣ, кромѣ вышеприведенныхъ основаній, указываемъ на варианты Amíkr, гдѣ *a* обязано своимъ присутствіемъ несовершенству рѣщиковъ, ибо большинство случаевъ указываетъ на гласную *i*, обратившуюся въ *e* съ появленіемъ Вальдемаровыхъ руны, восполнившихъ недостатокъ знака для посл. звука, отличая его отъ *i* точкою по срединѣ (Dietrich, l. l., S. 175). На этихъ основаніяхъ считаемъ себя въ правѣ изъ Amíkr, возстановить Emigr, безъ признака именит. пад. Emig, форму, тождественную Несторовой.

Акупъ (нети Игоревъ) — сличаемъ непосредственно съ Сѣвернымъ собственнымъ именемъ Aкуп, представляющимъ различіе къ Насон (Dietrich, l. l., S. 180).

А. ДЮВЕРЖУА.

100

